

Сержант Леший
РУССКИЙ
ЧЕЛОВЕК ВОЙНЫ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Сержант Леший

Русский человек войны

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67877010

Русский человек войны : роман / Сержант Леший: АСТ, Ленинград;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-150302-4

Аннотация

Кажется, что попавший в бессознательном состоянии в плен в Афганистане старший лейтенант просто пытается выжить и, сломавшись, плывёт по течению, но выпускника разведывательно-диверсионной школы КГБ СССР ни сломать, ни согнуть невозможно. Он просто ждёт своего часа, а в процессе уничтожает врагов так, как его в своё время научили. Его цель – не только вернуться домой, но и уничтожить советника Центрального разведывательного управления «страны победившей демократии» и вскрыть всю сеть его агентов на своей Родине.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	42
Глава 3	61
Глава 4	82
Глава 5	98
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Сержант Леший

Русский человек войны

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 224

Русский человек войны: роман / Сержант Леший. –
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленин-
град», 2022

© Сержант Леший, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Пакистан. Лето 1991 года

Солдат висел на гимнастической перекладине шестые сутки, и уже бесконечные шестые сутки с редкими перерывами на еду и сон Ренделл наблюдал за ним. Только извращённый мозг Майкопффа мог назвать это зверское сооружение гимнастическим снарядом. Два металлических, выше человеческого роста столба соединялись такой же металлической перекладиной. Ноги и руки солдата были разведены и притянуты к столбам ржавыми, покрытыми запёкшейся кровью цепями. На ночь цепи ослабляли, и солдат падал на землю, спёкшуюся под нестерпимым жаром в стекло.

Ежедневные пытки советского солдата начиналось с первыми лучами солнца. Сначала – десять ударов палками. Несильно. Только затем, чтобы разбередить незаживающие раны предыдущих экзекуций. Затем – слегка подсоленная вода, заливаемая через широкую воронку в рот, и несколько ведер очень солёной воды, вылитых на всё тело. И целый день под палящим солнцем. И несколько раз в день обливание ведром нечистот. И миллиарды кружащих вокруг него мух. И плюющие в лицо проходящие мимо повстанцы. И так шестой день подряд до наступления сумерек.

Вечером – вода в рот принудительно, полбочки воды из

брандспойта снаружи, бесконечная ночь на сырой земле, а утром – всё с самого начала. Обычно истязуемые сходили с ума уже на третий день, максимум на четвёртый. Сходили с ума, умирали или ломались. Этот ещё держался. Жил и держался, только иногда что-то бормотал. Камеры бесстрастно фиксировали каждый его жест и движение губ.

Ренделл не понимал, чем этот солдат так заинтересовал Майкопфа. Нет, конечно, это был уникальный образчик советского фанатизма. За год солдат висел на перекладине седьмой раз и уже давно должен был умереть или сойти с ума, но он стоически цеплялся за жизнь. Ренделл взял лист с установочными данными советского солдата, хотя он и так прекрасно знал, что там написано.

Старший сержант взвода разведки 56-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригады был захвачен в плен почему-то в 1989 году, хотя его часть была выведена из Афганистана в августе 88-го. Упрямый Колесникофф, захваченный два года назад на самой границе с Таджикистаном, воевал уже лишнего полтора года. Чуть больше года скитаний по отрядам повстанцев в качестве бессловесной рабочей скотины и один год здесь, на специальной базе Центрального разведывательного управления Соединённых Штатов Америки.

Русского ломали уже целый год. Конечно же не только его, но его особенно. Жесточайшие пытки, избиения и унижения сменялись почти человеческими условиями одиночных и общих камер древней крепости, в которой располагалась

база, но за всё это время солдат не произнёс ни одного внятного слова, кроме своего имени и звания. Документов ни у кого из погибших в его группе не было.

Сам сержант выжил только чудом. Контуженный в самом начале боя, он пришёл в себя уже в конце его и отбивался до последнего патрона. Командира большой группы повстанцев и его заместителя, неизвестными путями получивших сведения о местонахождении разведывательно-диверсионной группы русских, старший сержант зарезал сам. После их гибели централизованного командования в банде не осталось, и несколько отколовшихся моджахедов вместо того, чтобы убить его, забрали и продали сержанта.

Раненый и контуженый молодой парень уже через несколько часов пришёл в себя, а затем смог ходить. Его поразительная живучесть и мужество позабавили Саида Мохсмени, которому русского солдата продали уже на третий день в нарушение всех инструкций, и тот выжил.

За год пребывания на базе советский солдат пытался бежать три раза, и однажды ему это почти удалось. Отловили его только через четверо суток. Шестеро моджахедов и «зелёный берет» погибли, ещё пятеро моджахедов были ранены, и, если бы не прямой приказ Майкопффа, солдата забили бы прикладами и палками сразу после поимки, но игнорировать приказы старшего советника ЦРУ дураков не нашлось. Мигнёт – и эта база раем покажется, а проштрафившегося моджахеда повесят на перекладину и забудут о его

существовании. Один восемь дней провисел, хотя сдох уже на четвёртый.

Фамилию русского Ренделл зачем-то произнёс вслух: Колесникофф. Как и остальные русские фамилии, она что-то означала, но для старшего эксперта Центрального разведывательного управления Соединённых Штатов Америки она не значила ровным счётом ничего, кроме сухих строчек ежедневных отчётов. Равно как и судьба этого забытого всеми солдата.

Уже два года как русские ушли из Афганистана, бросив своих солдат в руках диких и кровожадных дикарей. Иначе Ренделл отряды повстанцев не называл. Бросив своих солдат и забыв про них. Совсем. Навсегда вычеркнув их из жизни некогда великой страны, раздираемой сейчас внутренними распрями.

Ренделл торчал на этой базе уже больше пяти лет, практически не вылезая из неё. Редкие поездки на отдалённые базы повстанцев в поисках советских военнопленных не в счёт. И если раньше, пока русские были в Афганистане, это имело хоть какой-то смысл, то сейчас это было бесполезной тратой времени, средств и сил. Но мнение Ренделла его непосредственного руководителя Дэвида Майкопффа интересовало в самую последнюю очередь, отчего Ренделл просто физически ненавидел русского упрянца.

Ренделл поднял глаза от напечатанного текста, взглянул в монитор камеры и вздрогнул. Солдат осмысленно смот-

рел прямо на него и что-то говорил. Ренделл протянул руку, увеличил громкость динамиков и тут же принялся вызывать Майкопффа.

Русский монотонно, с небольшими паузами произносил только два слова:

– Я согласен.

Русский сломался. Майкопфф, как всегда, оказался прав.

* * *

– Я – Колесников. Старший сержант Колесников. Колесников я. Колесников. Ивановская область, город Фурманов, улица Садовая, дом сорок восемь. Детский дом. Колесников я. Живу на даче в саду. У меня нет родственников. Колесников. Старший сержант разведвзвода. Радист. Александр Колесников. Колесников.

Сашку Колесникова убили первым. Снайпер специально стрелял по радисту и рации. Попал, разумеется. Потом прилетело всем нам. Костя Савушкин, свердловчанин – очередь из пулемёта наискось в грудь. Олег Салуянов – две пули из ДШК в живот. Кровавые ошмётки вылетели из спины. Осколочно-фугасная граната из РПГ взорвалась под ногами у крымчанина Мишки Остапчука. Это всё, что я успел увидеть в самом начале своего последнего боя.

Взрыв рядом со мной. Нас не собирались брать живыми. Знали, что опасны. Знали. Просто знали, что мы будем здесь.

Мы были нужны мёртвые, чтобы не смогли рассказать, что «духи» ждали нас в точке эвакуации, а вертушки не прилетели.

Мы уходили из Афганистана. Мы. Страна с насквозь прогнившей верхушкой, но не простые солдаты, вытащившие на своём горбу десять лет кровавых боёв. Перестройка. Гласность. Отрицание всего и вся... и мальчишки, возвращающиеся с кровавой, никому не нужной войны.

Грохотали траками по дорогам танки. Ощупывали наведёнными стволами крупнокалиберных пулемётов склоны гор бэтээры. Пылили грузовики с пехотой и дивизионным имуществом. Проносились стремительные тени вертушек. Армия уходила долго. Целых девять месяцев более ста тысяч человек уходили домой. Армия уходила. Мы оставались.

Все эти девять месяцев группы спецназа и разведгруппы ВДВ работали как проклятые, подчищая дерьмо за армейцами и цорандоевцами. Десять кровавых лет налаживались связи с местными старейшинами и моджахедами, с полевыми командирами и мальчишками беднейших кишлаков. И сейчас надо было рвать эти связи и уничтожать носителей секретной информации. Часто вместе с кишлаками, наводя на них артиллерию и авиацию.

Когда там генерал-лейтенант Громов последним вышел из Афганистана? Пятнадцатого февраля восемьдесят девятого? Тогда какого большого и толстого мы в марте того же года только в рейд ушли? И через три недели погибли.

Как ушли в рейд? А мы, в отличие от армии, никуда не уходили. Мы подчищали армейское дерьмо. Перед уходом какая-то тыловая армейская крыса заныкала в высокогорном кишлаке приличное количество оружия и боеприпасов в обмен на партию наркоты, вывозимой в Союз. Вот мы складик-то и заминировали, а затем при передаче взорвали.

Ушли, затаились на оставленной для нас точке с боеприпасами и продуктами, отлежались и пошли в рейд. И погибли на точке эвакуации. Все. До единого человека.

Тайные склады оставляли в горах и армейская разведка, и спецура, и местные цорандоевцы, и вообще все кому не лень. Или, наоборот, те, кому было лень уничтожать взятое в рейде оружие и боеприпасы и отписываться перед особистами за каждый захваченный ржавый патрон. Сам таких нычек шесть штук оставил, чтобы не сдавать особистам попавшиеся эксклюзивные стволы и кинжалы.

Крайний рейд был тяжёлый, но интересный. Заминированная тропа, по которой первым прошёл небольшой караван с весьма интересным грузом, шестеро застреленных «духов», ждавших связников на высокогорном плато, склад боеприпасов, продуктов и медикаментов в отдалённом, давно заброшенном кишлаке и долгий путь через перевал на точку встречи.

Очнулся я рядом с Сашкой. Остановившийся взгляд его прожигал меня насквозь. Гранитная пыль покрывала лицо и разгрузку моего друга. Кровь из пробитого горла залила всё

вокруг. Ему оставалось служить всего три дня, а он напросился со мной в рейд. Я был категорически против, но он настоял, втихую сбежав к моему командиру майору Громову. Когда не надо, Саня был очень настойчив, а отказаться от классного и опытного радиста Громов просто не смог. Майор давно перетягивал Сашку к нам. На рации мой друг был виртуозом и на слух переводил и дари, и пушту, хотя говорил не очень. Саню перевели к нам.

Некому будет доехать до моей мамы и позаботиться о ней и о моём парализованном деде. Сашка детдомовский, и я уже написал маме, что он приедет и будет жить в моей комнате. Мы здорово похожи. Были похожи. Даже возраст почти одинаков. Сашка успел перед армией окончить радиотехнический техникум и лишь затем попал в Афганистан. Как и я, Саня учился только на отлично и легко поступил бы в любой институт.

Голоса ближе. Треснул одиночный выстрел. Добили кого-то из наших. Мы не нужны живые, мы нужны мёртвые. Для отчёта о хорошо проделанной работе и вознаграждении за каждого убитого шурави. Да я и не собирался жить. В плену у «духов» не жизнь, а долгая и мучительная смерть.

«Ближе, суки. Ещё ближе».

Через полуприкрытые веки видна размытая фигура. Ещё одна.

«Руку мою видно? Посмотри, какие часики! Золотые! Сашкин подарок мне на день рождения. Ближе».

Нагнулся? Пора. Нож вошёл в печень рослому моджахеду. Прикрывшись им, достал до второго и полоснул по горлу, сдёргивая с плеча первого автомат.

«Получите и распишитесь».

Патроны кончились неожиданно быстро, но Сашкин автомат рядом. Не нравится? Гранаты мне жалеть уже не надо.

«Опять не нравится? Что же вы такие привередливые-то?»

Взрыв. И темнота.

– Я – Колесников. Старший сержант Колесников. Колесников я. Колесников. Ивановская область, город Фурманов, улица Садовая, дом сорок восемь. Детский дом. Старший сержант разведвзвода. Радист. Александр Колесников. Колесников.

Вода совсем рядом. Бьётся меж камней. Звонко журчит на перекате. Стремительный росчерк горного ручья всего в десятке локтей. Вкусная, ледяная, мокрая. Вода. ВОДА.

– Скажи, кто ты, и будешь пить, купаться и больше никогда не познаешь жажды. Кто ты? Кто ты?

Я не вижу того, кто задаёт вопросы. Они меняются, а глаза открыть больно. Больно говорить, шевелиться, дышать и вообще жить. Есть только одно желание – глоток воды.

– Я – Колесников. Александр Колесников. Пить.

Я бы выпил море, но цепь не пускает. Стальной ошейник рвёт кожу шеи, пальцы скребут по камню, сбитые в кровь ноги давно не чувствуют ничего, кроме боли. Я – Колесни-

ков. Колесников я.

– Ну и сдыхай, шакал.

Это да. Скорей бы сдохнуть. Сашке хорошо. Он уже не чувствует боли, жажды, унижений, холода. Ничего. Ему хорошо. Говорят, там вечный покой. Не успел я. Ведь оставалось ещё две гранаты. Не успел.

Плеск близкой воды накрывает меня, и мне опять двенадцать лет. Я бы выпил море.

* * *

Я опять приехал на море. На каникулы. К своему деду на Каспийское море. Ласковые волны, мягкий чёрный песок и ослепительное солнце. Азербайджан. Ленкоранский район, село Вель. Семьдесят четвёртый год.

Море. Я бы выпил это море, если бы знал тогда, что такое пытка нестерпимой жаждой.

Беззаботное детство, рыбалка и мой первый мопед. Я мотался по ближайшим деревням, и меня все знали. Ну как же? Ведь я приехал из самой Москвы. Внук директора русской школы!

Знали бы все они, что в Москве мы с матерью ютимся в мизерной комнатухе в коммуналке на шесть комнат и тринадцать соседей. Большинство местных жителей слова «коммуналка» не знает. Все живут в своих двухэтажных домах. Дом моего деда по сравнению с домами наших соседей – это

халупа нищего. Всего четыре комнаты, кухня и веранда.

У меня много друзей и родственников. Я бываю на двух заставах, и там у меня полно друзей и среди людей, и среди собак. К огромному, суровому и злобному Карату на Вельской погранзаставе я захожу каждый день по нескольку раз, и он радуется мне как щенок. Мы подружились три года назад, и с каждым летом наша дружба только крепнет. Карат уже старый, его спишут через две недели, и я заберу его в наш с дедом дом. Вольер уже приготовлен, и Карату будет удобно в тени раскидистого инжира. Из посторонних кормлю на заставе его только я.

Проводник Карата Женька Мелихов только и ждал, когда я приеду на каникулы. В прошлом году я кормил Карата вместе с ним, остальные просто боялись подходить, а я не боюсь собак. Уже в прошлом году дед договорился с командиром погранзаставы, что этим летом мы заберём Карата к себе.

Осталось только две недели, и Мелихова переведут на окружную заставу в районном центре Ленкорань инструктором-собаководом дослуживать свои последние месяцы перед дембелем, а Карат переедет в свой новый дом. Он заслужил этот дом и спокойную старость долгой службой на границе. Мы будем вместе ходить на море, и никто нам с ним этого не запретит. Карат, так же, как и я, любит Каспийское море.

Странного мужика я увидел у магазина. И сам мужик необычен, и вел себя он необычайно странно. Все в округе

знают, что продавщица сельского магазина в селе Вель приходит на работу на пятнадцать минут позже официального открытия магазина, за несколько минут до прихода рейсового автобуса в город. Мужик вроде одет, как местные, а уже с десятков минут топчется у входа. Дурачок. Я отхлебнул из бутылки местного нарзана, набранного на роднике, на совхозном поле, и принялся разглядывать незнакомца.

Что в нём необычного-то? Блин! Точно! Он бледный. Начало июня. Тридцать градусов в тени. Все местные русские и лицом, и руками на коричневый солдатский ремень похожи. Тот же мой дед почти никогда не ходит на море, но лицо и руки от палящего светила не спрячешь. Я выгляжу точно так же, как этот незнакомец, когда на каникулы приезжаю. Ровно один день, а затем покрываюсь сначала розовым румянцем, а потом и волдырями ожогов. Обгораю очень быстро. Тридцать градусов в тени, а на солнцепёке и до сорока добирается.

Попасть к нам из города можно только на рейсовом автобусе, который идёт из Ленкорани в Астару.

Этот автобус выходит из Ленкорани и, делая огромный круг, идёт сначала вдоль предгорья Талышских гор, потом вдоль границы до Астары, а затем и по берегу Каспия. В центре нашего села автобус поворачивает налево и идёт обратно в Ленкорань. От села Вель до Ленкорани – тридцать два километра. Встречный автобус из Ленкорани придёт только через сорок минут, но он, наоборот, будет двигаться сначала

к границе.

Рано утром в Ленкорани останавливается поезд из Баку, через полтора часа он же остановится в Астаре, и это конечная точка маршрута. Уйдёт в Баку он только вечером. Но если этот мужик только приехал, то зачем он едет от границы в райцентр? Когда и к кому он приехал вчера, если уезжает сегодня утром? Как он умудрился за сутки не обгореть на солнце? Я здесь всех русских знаю, и ни к кому родственники не приезжали. Вчера я всех своих местных друзей видел. Никто из них не похвалился гостями.

Приехать с кем-то он тоже не мог. Виталька Сочинский приедет только через две недели. Он в техникуме в Ростове-на-Дону учится и приезжает к своему деду со всей семьёй. У них прямо во дворе растёт целая рощица бамбука. Из него получают отличные удочки.

Мой приятель Мишка приезжает к бабушке из Баку только в начале июля. Она у самого моря живёт, сразу за железной дорогой и совсем недалеко от погранзаставы. Больше никого не должно быть.

Местные азербайджанцы и талыши не в счёт. Русских у них не бывает. Погранзона – въезд только по пропускам. Меня самого проверяют каждый год. Свидетельство о рождении у меня выдано в местном сельсовете, хотя родился я в Тверской области, где мама училась. Сразу после моего рождения мама тайком забрала меня из роддома и привезла в дом к своему отцу. К моему единственному деду. Мой отец бросил

маму ещё до моего рождения, и родственников по отцовской линии у нас нет.

Автобус пришёл в тот самый момент, когда мужик был в магазине. На три минуты раньше положенного времени – и тут же уехал. На этой остановке народ бывает только вечером и после десяти утра, когда в магазин привозят свежий хлеб из Ленкорани, поэтому водитель только притормозил и, не увидев пассажиров, тут же нажал на газ.

Мужик успел выскочить из магазина, но ему удалось только след посмотреть. На густой столб пыли. Это тебе не город, хотя в городе пыли не меньше. Иногда ветер заносит из полупустыни целые горы песка и пыли. Следующий автобус только через пять часов.

– Дядь! Подвезти? – Я завёл мопед.

Ровно затарахтел двигатель, выплюнув из погнутой выхлопной трубы облачко сизого дыма. Мужик согласно кивнул головой, покрутив в пальцах юбилейной рублёвой монетой. Точно дурачок. Предлагать деньги? Здесь так не принято. Тем более мне.

Бутылка неожиданно звонко разбилась о голову неудачно отвернувшегося к урне незнакомца. Хорошая была бутылка. Пять копеек стоила. Вторая полупустая пошла следом. Десять копеек.

Целое шоколадное мороженое! То самое мороженое, которое чужак выкинул в урну и за которым я приехал в магазин. Мороженое завезли вчера вечером, но я кормил Карата

на заставе и утром поеду кормить опять. Карат, как и я, просто обожает шоколадное мороженое.

И голова хорошая. Тупая в смысле. Прилично натренированный незнакомец рухнул как подкошенный. Висок не натренируешь, а метил второй бутылкой я именно в висок. Кровь окрасила пыль обочины, а я уже вязал мужику руки сзади, отбросив в сторону пистолет, заткнутый за пояс штанов.

Как там меня в прошлом году замполит заставы учил? Руки приторочил к левой ноге, загнув её к спине. На вторую ногу ремня не хватило, а удержать такого здоровяка силёнок у меня маловато, поэтому я мстительно свалил на него свой мопед. Как потом оказалось, подножкой мопеда незнакомцу раздробило правую лодыжку.

Выскочившей на крыльцо продавщице я коротко бросил:
– Звоните на заставу!

Странно, но она меня послушалась.

От магазина до почты, где стоял телефон, всего с десятков шагов. Вроде щенок малолетний, но всё же внук Фёдора Силантьевича, директора единственной сельской русской школы во всём приграничном районе. Бывшего председателя совхоза, фронтовика и орденоносца в районе уважали, а в деревне меня знали все от мала до велика. До шести лет я жил с дедом, а потом мама увезла меня в Москву. И хотя у продавщицы сын был старше меня на три года, отзвонилась на заставу она молниеносно: здесь такими вещами не шутят.

Дежурная группа с заставы приехала очень быстро. От заставы до магазина – минут семь на «уазике», а солдаты дежурной группы сидят в ленинской комнате постоянно. Вызвать их могут в любой момент. Пограничники здесь и пока ещё несуществующий ОМОН, и спецназ, и «Вихрь» с антитеррором, и пожарная команда при случае. Когда ещё пожарная машина из города доберётся? А погранцы всегда под руками. Бывало, и рожениц в город отвозили.

Карат погиб на рассвете в восемнадцати километрах от места, где я отоварил его убийцу бутылкой по голове. Его проводник Женька Мелихов отделался сотрясением и так невеликих мозгов и выбитыми зубами, ещё двоим из наряда нарушитель переломал ноги, руки и рёбра.

Разобранные автоматы наряда незнакомец выкинул в заросли куги и ежевики, рацию раздолбал в хлам, а пистолет Женьки прихватил с собой. Тот самый пистолет, который я углядел за поясом у знакомого, когда он повернулся ко мне спиной, выкидывая шоколадное мороженое, так любимое моим первым настоящим другом.

Мужика этого я больше никогда не видел. С заставы его увезли на вертолёт, а к вертолёту тащили на носилках.

Через полтора месяца мне вручили медаль «За отличие в охране государственной границы СССР». Такая же медаль была у моего деда ещё с пятьдесят восьмого года. Вручали прямо в актовом зале Ленкоранского погранотряда.

В свою школу я больше не вернулся, а в качестве исклю-

чения в этом же году был принят в Суворовское училище в Москве. Рекомендательное письмо в Суворовское подписали все офицеры Ленкоранского погранотряда – за такой косяк звёздочки с погон слетели бы не только у командира и замполита заставы.

Только через два года я случайно узнал, что нарушитель был выпускником Ленинградской спецшколы КГБ, который сдавал экзамены на прохождение нашей государственной границы. Рассказал мне об этом заместитель командира заставы, уходящий на повышение. Пограничников проверяльщик прошёл, а на мне прокололся, но погранцов тогда не наказали.

Командир Ленкоранского погранотряда полковник Ткаченко на награждении назвал меня талисманом Вельской пограничной заставы. Кликуха прижилась, а собаку я так больше никогда и не завёл, хотя мне предлагали щенка – так и не смог забыть Карата.

Карат был полностью моим от кончика хвоста до вечно мокрого чёрного носа, который он так любил засовывать мне в шею, с шумом вдыхая воздух. Я был для него больше, чем другом. Карат принял меня в свою стаю вместе со своим проводником, а щенка пришлось бы воспитывать и так постоянно занятому деду.

Больше на всё лето я к деду не приезжал. Учиться в Суворовском оказалось интересно, но значительно труднее, чем в простой московской школе.

Можно было бы снять русского сразу, но это, как те же русские говорят, «хрен по деревне». Ренделл нашёл босса моментально в комнате спецсвязи, однако тот был занят, и русского сняли, уже когда он потерял сознание. И тут Майкопфф удивил Ренделла снова. Они не стали ломать и вербовать солдата, как делали это обычно, а отдали его «Наташкам».

Шесть советских проституток из Украины появились на секретной базе всего три месяца назад, но с их появлением результативность вербовки советских солдат повысилась в несколько раз, хотя достаивался посещения девочек далеко не каждый. Из постоянных посетителей неутомимых холушек были сам Майкопфф, а также Ренделл, старший узла связи и радиолокационного контроля, ну и тридцать «зелёных беретов», охранявших специальный сектор базы и самих агентов ЦРУ. «Наташек» хватало на всех с запасом. Покойных «Наташек».

Девчонки были гарантированными трупами. Как только в них отпадёт нужда, их убьют. Нельзя попасть в место, которого не существует ни на одной карте мира, и остаться в живых. Предыдущих троих, испанку, немку и шведку, неизвестными путями занесённых в это преддверие ада, сначала отдали местным, а потом то, что от них осталось, скинули с

обрыва в узкий провал дальнего ущелья.

Семнадцать наивных украинских девчонок прилетели в столицу Пакистана Исламабад прямо из Киева четыре месяца назад. Работать танцовщицами. Танцевать с несколькими партнёрами одновременно их научили сразу же, как только отобрали у них паспорта. К тому времени, когда шестеро из них попали к Майкопффу, помимо всего остального они научились, стоя на коленях и склонив голову, подобострастно лепетать на четырёх языках слова «мой господин» и «хозяин».

Сначала русского помыли во дворе, но в сознание он так и не пришёл, а затем отдали врачу базы и двум из шестерых «Наташек», по неведомому принципу отобранных Майкопффом и выраженных по такому случаю в белоснежные медицинские халаты. В тот день у врача базы был праздник.

Врачом здесь был недоучившийся пакистанец. Что-то он там натворил на последнем году обучения, и Майкопфф забрал его к себе. Обычно «Наташки» ему не достаются. Русский пришёл в сознание только через двое суток, зато врач оторвался за все долгие месяцы вынужденного воздержания, имея новоявленных медсестёр во все мыслимые и немыслимые места. Впрочем, ни в коем случае не забывая о пациенте, ибо Майкопфф предупредил эскулапа, что если хоть что-то пойдёт не так, то врач заменит обеих «Наташек», а клиентов ему найдут персонально. В мусульманской стране за подобные шалости предполагается жутчайшая средневековая

казнь, и врач проникся по самое не могу. Оскопление тупым кинжалом – это самый минимум, который Майкопфф мог устроить любому сотруднику базы. У него было двое преданных лично ему местных головорезов, выполнявших любой его приказ. Причём головорезы – это не метафора, отрезать голову они могут за малейшую провинность кому угодно и в любое время дня и ночи.

Плеск воды и прохладная мазь, покрывающая моё измученное тело. Чистые простыни и тонкий запах потрясающе красивой девушки, склонившейся надо мной. Живительная влага, проникающая сквозь потрескавшиеся губы и скатывающаяся в горло и по подбородку. Мне больно даже глотать. Мягкий свет тонированного окна, прикрытого лёгкой занавеской, и прохлада кондиционера.

«Это всё сон? Так выглядит рай?»

Измученный мозг отказывался верить, и я ушёл в спасительное беспмятство до утра.

* * *

Мне опять снился сон. Море. Родное Каспийское море. Я приехал сюда, как думал тогда, в последний раз, с отличием окончив Суворовское училище. Мне шестнадцать. За эти четыре года я вырос и окреп. Английский и испанский, азербайджанский и немного талышский, самбо и вождение машины и мотоцикла. Стреляю из любого оружия.

В училище очень хорошие преподаватели и прекрасно сбалансированная система обучения, а на заставе я стрелял сколько влезет. Патронов для меня никогда не жалели. Как отличнику боевой и политической подготовки, комсоргу и награждённому правительственной наградой, мне были открыты все двери всех военных училищ без экзаменов, но я уже принял решение. Документы ушли в Новосибирское высшее военное командное училище на факультет подразделений специальной разведки, а я приехал прощаться с детством. Правда, тогда я об этом ещё не знал.

Громадная волна вынесла меня прямо под ноги наставившего на меня ствол автомата сержанта. Ну как же? Нарушителя государственной границы поймал! Уже, наверное, медальку примеряет и домой на две недели собирается. Чёрный комбинезон из крепкой эластичной резины, ласты, маска, трубка, штык-нож на широком поясе с грузами-утяжелителями, небольшой баллон акваланга на спине.

Нет, это не моё. В погранзоне такое запрещено. Нельзя даже заплывать далеко на лодках или надутых камерах. Сразу выскакивает «шишига» с заставы или мощный катер – и привет. Отберут плавсредство, влепят нехилый штраф, пришлого гостя отправят за границу стокилометровой зоны и никогда больше сюда не пустят, а местному вставят такую клизму, что...

В общем, местные даже сети не ставят. До границы с Ираном – пятнадцать километров, хотя рыбы здесь полно – суб-

тропики, редкие в нашей стране. Пограничники сетки ставят далеко в море, в местах, где на глубоководных песчаных банках кормятся огромные осетры и мощные сазаны. Иногда попадаются и сомы.

На рыбнадзор пограничники кладут с прибором, но иногда делятся осетрами. Мелких сеток у них нет, а крюками, калечащими рыбу, они не пользуются. Я сам не видел сомов, дед рассказывал. В его детстве они не были редкостью, но в последние годы пропали и водятся только у старого пирса в Астаре. Там речка в море впадает. Хотя море и солёное, но тех же сазанов полно. Сам ловлю каждый год. Не на глубине, нет, с берега на поплавочную удочку и на донку.

Этот костюм с аквалангом подарил мне в прошлом году начальник Ленкоранского погранотряда полковник Ткаченко. Было там одно мелкое происшествие, да и просьбу я выполнил. Неважно. Вот и получил подарок, который лежит у полковника, а когда я приезжаю, забираю и плаваю в своё удовольствие. В том году вышла половина месяца, а в этом целый месяц получится.

Стал подниматься на руки и воткнулся спиной в ствол автомата, но продавил, не обращая внимания на железку, уткнувшуюся между лопаток, продолжил движение. Боевых патронов в автомате нет. Это я точно знаю.

– Стоять. Руки вверх. Кто такой? – Голос сержанта был звонок, и в конце фразы он сбился на фальцет.

– Пошёл на хрен! – с трудом выдавил я из себя, выплюнув

загубник трубки и едва сдерживая дрожь, сотрясавшую всё моё тело.

«Салабон! Интересно, откуда он взялся? В том году его не было».

Не обращая внимания на опешившего пограничника, я поднялся на ноги, неуклюже шлёпая ластами, прошёл несколько шагов, боком упал на раскаленный песок и, перевернувшись на живот, засунул в него руки по локоть.

«Каааайф! Почти шесть часов в воде, да ещё и после шторма. Чуть дуба не дал».

Полежал немного, потом сел на пятую точку, стащил маску, стянул капюшон костюма и оглядел стоящих вокруг меня людей. Мальчишки и девчонки всех возрастов, насупленные пионервожатые и подтянувшийся бравый сержант с автоматом без патронов. Что-то их много. Купаться пионерам в такую погоду не разрешают, только ж... извините, ладони намочить позволяют. Обратная волна может утащить за собой и утопить. Это я с морем на ты, меня мама так плавать учила, что никому из них не снилось.

В пять лет мама затащила меня на своих плечах за третий меляк и бросила. Так плавать и научился. Жить захочешь – и не так вывернешься. Хотя сначала я поплыл в море, а не к берегу. Смеялась потом надо мной вся округа. Когда научился долго держаться на воде, и в осенний шторм сам плавал, но только если ветер от Ирана, а то за границу снесёт.

В шторм вообще плавать очень сложно, может и в море

унести, и волной закрутить. Пришлые в такую погоду тонут на раз. Особенно когда попадают на камни и глиняные ямы. На пляже напротив пионерлагеря чёрный песок, но между меляками есть вкрапления глины и небольших, максимум в два кулака, камней, обросших мелкими ракушками. Кожу ног эти ракушки режут моментально. Заживают потом любые ранки и порезы очень долго – Каспий жутко солёное море.

Приехать чёрт знает откуда и не купаться в такую жару – это пытка для любого нормального человека. Хотя некоторые пограничные пункты на границе стокилометровой зоны стоят в полупустыне. Вот там настоящий ад, даже вода привозная.

– Талисман! Ты, что ли?

Голос явно знакомый. Ну, точно.

– Здорово, Залётчик! Тебя бросили детишек охранять, чтобы не разбежались, или сержанта сторожишь, чтобы не поранился? Обычный эпический подвиг. Для тебя самое то.

Кликуху Залётчик этот пограничник получил от меня. Вместе с ударом бутылкой по голове. Я всегда так реагирую на издевательский вопрос, как мне удалось задержать нарушителя. Первым на разъярённого меня нарвался молодой, но борзый лейтенант-вэвэшник два года назад. Прямо у ворот окружной заставы. Бутылка бутылкой, но кулаки и ноги никто не отменял. Меня тогда еле оттащили от этого лейтенанта. Мне было уже далеко не двенадцать лет.

Лейтенант в госпиталь на две недели переселился. Профилактично, конечно же. Я умудрился его ещё и камнем по голове отоварить. Скандал был тогда страшный! Ткаченко еле замял, но лейтенант не настаивал на продолжении удивительной для него истории. До меня он успел получить по роже ещё и от моей мамы, а потом и мы с бутылкой и булыжником подключились. Нашел кого клеить, клоун. Да ещё и у окружной заставы, где нас все знают.

Правда, я так реагировал только в том случае, если доставали мою маму и собеседник был в головном уборе. Залётчик был в панаме, а лейтенант вообще в фасонистой фуражке.

Чуть позже я освоил удар кулаком по яйцам. На окружной заставе служил хороший рукопашник, капитан Семёнов. Приёмы он мне ставил с учётом моего возраста, да и с моей мамой капитан подружился. Вернее, она с ним. Курортный роман. Что поделать? Я маму не осуждал: отца у меня никогда не было, поэтому довольны были все трое.

– Ты давно приехал? – Залётчик решил не заострять.

Ну и правильно, а то может опять кулаком по яйцам получить. Это мой любимый приём после удара бутылкой по голове.

– Четыре дня уже. А это что за салага?

И, взявшись за так и наставленный мне в лицо ствол автомата, громко, как в микрофон сказал сержанту:

– Убери автомат, ишак! Я же знаю, что у тебя патроны

только холостые и две сигнальные ракеты красного цвета. Вы здесь с Залётчиком вместо пугала, чтобы местные к детям не лезли. Надо сказать замполиту, чтобы вам с Залётчиком ещё и деревянные штык-ножи выдали для полного комплекта к двум деревянным солдатикам.

Отпустил ствол я только после того, как договорил всю фразу. Сержант отшатнулся назад, торопливо отступая и вешая автомат на плечо.

– Да ладно тебе, Талисман. Ты чего злобный такой сегодня? Из училища выгнали, что ли? – Подколол так подколол.

Ответил честно, не обращая внимания на так и не уходящих пионеров:

– Замёрз, как лысая собака на морозе. За термоклинном у шестого меляка вода холодная, как в декабре. Плавал туда зря. Думал, на глубине успокоилось уже, а вода всё равно мутная.

Четыре дня здесь, а шторм всё не утихает. Никогда такого не было. Шторм в несколько дней в июле – несусветная редкость. Даже дед такого не помнит.

Меня опять передёрнуло от холода. Солнце печёт, а согреться всё никак не могу. Ветер. Надо в песок закапываться.

– Так отогрелся бы на меляке, ноги размял. Ты вон как лихо на волнах катаешься. Там согреться не мог?

Смешной этот Залётчик. Я что, Дядя Стёпа? Хотя да. Они же там никогда не были. Солдаты – самые невезучие люди на заставах. Море под боком, а даже маскхалат расстегнуть

нельзя. Всё время об этом забываю.

– Размялся... Отогрелся... Были бы ноги четыре с половиной метра, отогрелся бы влѣгкую. Шестая песчаная банка только называется меляком. Там глубина – четыре с половиной метра, а не как здесь, по колено. Мелко только по сравнению с глубинами в шесть, восемь и девять метров. Там как раз отрядные сетки стоят. В тех местах кормятся крупный сазан и осѣтр.

Разделся быстро, сложив снаряжение и костюм на ласты. Закапываясь в песок, поймал оценивающий взгляд сержанта. Вот то-то. Понятно тебе теперь, почему ты у меня ствол автомата вырвать не смог? Побегай с нами на зарядку с утяжелителями в любое время года, да походи со мной на тренировки по самбо. Сам так будешь выглядеть.

Долбодон ушастый! Вплотную ко мне подошёл, автомат к спине приставил. Был бы я нарушителем, ты бы уже с прадедушкой на том свете разговаривал. Залѣтчик это только после удара по яйцам понял. В том году он у меня макиварой работал, пока не поумнел. Башкой бутылку забодал, потом яйцами – кулак. Ну и что, что мне было пятнадцать лет, а ему – восемнадцать? Так и в школу я с шести лет пошел, а всем по семь было. Пара фингалов, синее ухо да прикушенный язык – и всем скучно стало до меня докапываться. Меня дед учил сначала бить, а потом спрашивать, чего им всем от меня надо.

– Зачем тебя туда носило-то? – все никак не мог угомо-

ниться Залётчик.

Скучно ему. С сержантом не поговоришь. Он только из учебки, что располагается в Сумгаите, а уже сержант. Прыщ на ровном месте!

Залётчик – рядовой, но он всё здесь знает, а сержанта ещё учить и учить. Именно поэтому сержант пляж при пионерлагере охраняет. От него что на заставе, что на маршрутах, что в секретах толку чуть, от Залётчика и то больше.

– Да ракушки там красивые. Они только за шестым меляком водятся, а сюда их не приносит. Пока их до берега волнами догонит, они в песок превращаются – хрупкие.

В это время сержант вспомнил, что он «командир на лихом коне», и отозвал моего собеседника. Вот и ладошки, нашим проще. Я пока погреюсь. Закопался в песок и отключился, как оказалось, на пару часов. Даже поспал немного, пригревшись.

Ракушки я пообещал полковнику Ткаченко. У него жена и две девочки-погодки, а ракушки действительно необычайно красивые. На диковинных бабочек похожи, когда раскрыты. Их ещё и раскрывать надо уметь.

Пока моллюски, в них обитающие, живы, ракушку раскрыть невозможно, только створки поломаешь. Ракушку с ещё живым моллюском надо положить на солнцепёк и ждать, когда они сами раскроются. Умирая, моллюск раскрывает створки раковины на сто восемьдесят градусов, и раковина становится похожа на диковинную бабочку.

На Каспии вообще очень мало красивых ракушек. Мне попадались только два вида, и водятся они далеко не везде, а только на глубине пять и семь метров. Одна из колоний этих моллюсков расположилась на камнях как раз напротив заставы, чуть левее сеток, стоящих на глубине восемь метров. Я потому-то туда и плавал. Так ракушки проще найти.

Кстати, в сетке сидит пара приличных осетров. Надо сказать на заставе, чтобы сняли, пока они не протухли. В отличие от той же кефали и сазанов, осетры долго живут в сетях, но не неделями же.

Сеть стоит на глубине, и этот шторм её не тронул, хотя и затащил в сетку здоровое бревно. Просмоленное. На шпалу похожее, только короче и гвозди там какие-то. Похоже, его штормом со старого пирса в Астаре оторвало. Давно его таскает, раз на такую глубину занесло. Заколебуются пограницы это бревно вытаскивать. Помогу, конечно же. В первый раз, что ли?

На заставу мне всё равно идти. Баллон акваланга я там заряжаю, там же и скину всё остальное снаряжение, а домой меня на «уазике» забросят. Тоже не в первый раз, заодно и нарзана наберут – родник прямо у нас за огородом.

Смешно. В Москве такой нарзан в бутылках продают, а здесь им коров совхозных поят. Питьевая вода только на очень большой глубине, и не у всех колодцы дают чистую воду. На заставе понятно – скважина, но простая вода – это не лечебный, воняющий тухлыми яйцами нарзан.

Старший прапорщик Анатолий Синёнок на всю заставу наберёт. На пару дней хватит с запасом, а потом я опять акваланг заряжать заскочу. Или Синень-кб? А! Разница какая? Всё равно этого степенного украинца все за глаза только Синим зовут. Только я по имени-отчеству или «товарищ старший прапорщик» – патронами-то на складе заставы он ведает.

Пока я грелся на солнышке, ветер почти прекратился и поменял направление. Теперь он дул вдоль линии прибоя. Шторм утихал, и хотя волны ещё грохотали на меляках, до берега добежали лишь редкие обессиленные валы, утратившие свою силу и бывшее величие. Уже завтра пионеры смогут купаться, а послезавтра установится полный штиль.

Громкий плач привлёк моё внимание. Стоя у самой кромки прибоя, рыдала невысокая худенькая девчонка с длинными чёрными волосами, но на неё никто не обращал внимания.

Вот за это я не люблю пионервожатых: у них детёныш надывается, а им весь остальной выводок бы не растерять. Пришлось выбираться из тёплого кокона и подходить к девочке.

– Чего ревёшь, ребёнок? – спросил грубовато. Ну не умею я с ними разговаривать. С маленькими такими.

– Тапочек потеря-я-ла. Мне мама подари-и-ла, а волна утащи-и-ла-а... – проканючил детеныш, опять срываясь в безнадежный плач.

«Блин. И что теперь делать? Да ладно! В первый раз, что

ли?»

– Не реви. А то мы с тобой тапочек не найдём. Помогай давай. Ты где стояла?

Времени вроде прошло немного. Шанс ещё есть.

– Зде-е-есь! – даже притопнула ногой девочка, моментально перестав рыдать и с поразительной детской надеждой уставившись на меня.

Сориентировался я мгновенно. Минута прошла? Полторы? Две? Метра полтора, наверное. Сместившись влево на два метра, я шагнул прямо в прибой и опустился на корточки, засунув руки в воду по плечи. Пару раз меня накрывало с головой, но я всё шарил ладонями под наметённым обратной волной валом песка.

«Неужели ошибся в расстоянии? Но нет. Вот он».

Шлёпанец нашёлся там, где я его искал, но показывать всем свою находку было рано. Прокачал легкие, глядя на набегающую большую волну, и, поднырнув под нее, опустился на дно, неспешно смещаясь вдоль берега и перебирая одной рукой мелкие камешки и обломки различных ракушек.

Волна отхлынула обратно, но я всё сидел под водой. Меня качнула вторая волна и ещё одна. Они значительно слабее.

«Ага. Вроде что-то стоящее!»

Но в это время пошла ещё одна волна.

«Выныривать сейчас нельзя, эта сильная. Утопить меня не утопит, но потрепать может. Вернулась. Пора. Воздух кончается».

И резко выскочил из воды прямо напротив девчонки.

– Держи свой тапочек. И вот тебе «куриный бог». Мы с морем извиняемся. Не плачь больше, а если что, сразу зови меня.

Действительно, «куриного бога» нашёл. Здесь это не всегда камень. Очень часто окаменевшая глина, спрессованная с песком и обкатанная штормом. Форма камешка может быть самая разнообразная, но всегда зализанно округлая и с небольшой дырочкой посередине.

– Ну ты, Талисман, даёшь! Ихтиандр московский! – тут же выдал Залётчик. Оказалось, что на нас смотрит весь пляж. – Прямо человек-амфибия. Как ты его нашёл-то? Вода же мутная!

Я сел на песок у ног девочки, счастливо обнимающей оба тапочка, как будто они могли убежать, и принялся объяснять Залётчику прописные для меня истины:

– Ветер вдоль берега. Прошло полторы-две минуты. Соответственно, приблизительно от одной до трёх волн. Тапочек утащила самая сильная возвратная волна. Считаем её за первую. Шторм уже утих. Так, брызги остались. Под прибором наметён небольшой валик песка. Была бы волна сильная, она тапочек утащила бы дальше, а так она его только скинула за этот валик. Тапочек плоский и лёгкий. Остальные волны его только перемещали вдоль валика, не выкидывая на берег, а так как ветер слабый, то и протащили недалеко. Сама волна сильная только поверху. В бурун попасть нельзя, закрутит

и ударит о дно, и хорошо если спиной о песок, а не затылком о камень. А вот внизу волна слабенькая. Ты сам видел, что я всегда под волну ныряю, а когда катаюсь на волнах, держусь возле самого гребня. Прикидываем направление ветра, его силу и количество возвратных волн и получаем приблизительное расстояние перемещённого предмета. Сейчас получилось полтора метра. Вот и вся наука. Поверь мне на слово, это уже далеко не первый предмет обуви, который покинул хозяина подобным образом. И далеко не первый, который был найден. Правда, везёт далеко не всем и не всегда. Главное было успеть до следующей сильной волны. Она могла либо выкинуть тапочек на берег, что вряд ли, либо утащить в море, что скорее всего.

Так я познакомился и подружился с Котёнком. Это не было никакой любовью. Сначала не было. Узнав в первый же день, что у нее, как и у меня, нет отца, я взял над девчонкой шефство, во всеуслышание заявив, что у неё появился старший брат. У нас оказалась небольшая разница в возрасте, всего четыре года, просто Кристинка маленькая росточком и очень худенькая. По сравнению с моим тогдашним ростом и телосложением почти взрослого парня совсем кроха.

У меня никогда не было ни брата, ни сестры, у неё, как оказалось, тоже, и мы как-то очень быстро привязались друг к другу. Это было странное для меня чувство. Я впервые осознал себя не просто сильным, а нужным, что ли? Необходимым не просто маме и деду, но и вот этой маленькой девоч-

ке. Каждый день с робкой детской надеждой ждушей меня в огороженном трёхметровым забором пионерском лагере.

Этот пионерлагерь был для детей пограничников нескольких погранокругов, так что обо мне не слышал только глухой, и Котёнку сразу начали завидовать. Правда, притаскивал фрукты, овощи и ракушки я не только Кристине, но и всему её немаленькому отряду. Совхозных виноградников вокруг полно, и они у меня все объедались виноградом. Да и наш виноградник был полностью в моём распоряжении. Виноград во всей округе выращивали винный, но сладкий, сорт «Изабелла». Дед каждый год из него делал просто потрясающее домашнее вино.

Учил плавать этот непоседливый детский сад тоже я, да и вообще возился с Котёнком как никто другой. Они жили в Ленкорани. Мать моей названной сестрёнки работала на окружной заставе, а отец Котенка, заделав ребенка провинциальной простушке, растворился в неведомой дали громадного Советского Союза.

Неполный месяц пролетел стремительно, но я успел поговорить по поводу Котёнка и на заставе своей, и на заставе окружной, завалив дочек Ткаченко ракушками и познакомив их с Кристиной-Котёнком.

Мы переписывались каждую неделю. Я рассказывал о своих новостях и присылал фото, она же делилась со мной своими детскими радостями и печальями.

За эти годы мы виделись только три раза. В восемьдесят

третьем я так же провёл у деда почти целый месяц, влюбив подрастающую Кристинку в себя и влюбившись в неё сам. В восемьдесят четвёртом, когда я с мамой забираю заболевшего деда в Москву, мы провели с Котёнком три самые счастливые недели моей жизни. И в восемьдесят шестом в Баку, куда я прилетел всего на одну неделю, чтобы встретиться с ней.

В восемьдесят девятом Кристина вышла замуж, а я через два месяца погиб при выполнении интернационального долга. Или пропал без вести? Интересно, что написали в похоронке?

Глава 2

Прелюдия к предательству

Утро для русского началось с худенькой, похожей на девочку-подростка «Наташки». Русский ещё не пришёл в себя, но девчонка уже вилась над его истерзанным телом, слегка прикасаясь остренькими грудками к солдату.

Ещё вчера Майкопфф отметил, что как только русский на мгновение пришёл в себя, то сразу же скосил глаза на худенькую белобрысую девчушку, проигнорировав крупную ша-тенку с грудью четвёртого размера, вырывающуюся из слишком тесного медицинского халата. Воистину Майкопфф был дьяволом в человеческом облике.

– Котёнок, – чуть слышно прошептал солдат.

«Всё. Попался. Теперь Майкопфф тебя раздавит», – зло-радно подумал Ренделл.

В отличие от чистокровного американца Ренделла, Майкопфф был самым настоящим русским. Вот только ни фамилии, ни имени своего босса Ренделл никогда не знал. Это была тайна даже не за семью печатями. Имён у русского перебежчика было огромное количество, а на бывшей родине его уже два десятка лет ждала смертная казнь.

Предателей нигде не любят, но этот вывернется даже из-под асфальтового катка. Вот уже девять лет Майкопфф воз-

главлял специальное подразделение ЦРУ и числится на хорошем счету у руководства. Операции, которые он проворачивал, доставили много головной боли русским в Афганистане и всему руководству враждебной Америке страны. Вот и сейчас Майкопфф что-то готовит. Что-то грандиозное, если он уже год нянчится с этим необычным русским парнем и ещё четырьмя десятками бывших солдат противника, и руководство позволяет ему это, тратя на никому уже не нужную базу приличные деньги.

* * *

Тонкие прохладные пальчики, чуть касаясь, скользят по груди и животу, спускаясь всё ниже и ниже. Я уже несколько минут наблюдаю за обнажённой девушкой сквозь прикрытые веки, и мне всё труднее сдерживаться. Конечно же она несколько не похожа на моего Котёнка. Только чуть-чуть телосложением и больше ничем.

Всё. Хватит. Терпеть больше нет сил.

– Убери руки. – Мой голос прозвучал неожиданно громко и надтреснуто.

Девчонка отдернула ладошки и тут же залилась слезами.

– Простите, господин. Не говорите хозяину. Меня накажут, господин... – Девчонка забилась в угол непривычно широкой кровати. Рыдания сотрясали узенькие плечи. Русые волосы растрепались по худеньким лопаткам.

– Кто ты? Как тебя зовут? – Это был не мой голос, не мои руки, не моё тело. Только маленький диверсант становился всё больше и крепче помимо моей воли, и я ничего не мог с собой поделать.

– Лейла! – Голос у девчонки тонкий и дрожащий. Она была на грани истерики.

– А настоящее? – Надо же, Лейла. Лена с местечковым колоритом.

Девчонка была необычайно красива. Правильные черты лица, тоненькая шея, небольшая, очень красивая грудь с торчащими сосками, узенькая талия, потрясающие ноги с аккуратными ступнями и маленькими пальчиками.

– Лина, – чуть слышно прошептала девчонка.

Казалось, она совсем ребенок, занесённый в этот кошмар. Маленький обнажённый ребёнок. Мне вдруг дико захотелось к ней прикоснуться. Я вдруг вспомнил, что вчера она делала мне укол. Значит, медсестра? Девятнадцать лет? Старше?

Ренделл с удовольствием смотрел на театр одной актрисы. Талантливая девочка. Жаль будет уничтожить такой талант. Всего час они щебечут ни о чём, а информация скапливается. Уже есть что докладывать боссу.

За этот час Ренделл узнал о русском больше, чем за весь предыдущий год. Пусть пощебечут. Тем страшнее для русского солдата будет следующий шаг. Или он сам этой девчонке голову отрежет, или ему кишки на шею намотают, сбросив

ещё живого русского в сточную канаву в назидание остальным пленным.

Обратив внимание на эту девчонку, русский подписал ей смертный приговор. Не сейчас, понятно, а через недельку, когда солдат окрепнет.

«Надо будет выдернуть эту “Наташку” к себе на несколько часов перед её смертью. Она чертовски хороша в постели. Вот и русский это сейчас оценит».

Ренделл приглушил динамики. Всё равно аппаратура запишет каждый звук.

...Информация скапливалась не у одного Ренделла. Уже год я изучаю его, его босса и всю структуру секретной базы. С руководителем отдела видеоконтроля Майком Ренделлом мы никогда не встречались. Он практически всё время сидит в специальном блоке казематов около мониторов камер видеонаблюдения и никогда не общается с пленными лично.

Нас гнобят специально обученные люди. Хотя людьми я бы их не назвал. Палачи, скорее. Но и они, и охрана, и проходящие мимо меня «духи» говорят друг с другом и постоянно выдают огромное количество самой разнообразной, не связанной друг с другом информации. Надо только внимательно слушать, запоминать и анализировать разрозненные факты.

Никто даже не догадывается о том, что я знаю английский, испанский, азербайджанский, пушту и дари. Языки мне всегда давались легко. Азербайджанский язык я освоил вместе с

русским ещё в раннем детстве. Сначала у меня не было русских приятелей, и играл я с детьми соседа азербайджанца, а они совсем не говорили по-русски.

Даже уехав в Москву, я не забросил азербайджанский язык, так как в нашем подъезде жил азербайджанец Аликер. С его старшим сыном мы учились в одной школе, правда в параллельных классах, но вместе ходили на тренировки. В те годы азербайджанцев в Москве почти не было.

Английский учил со второго класса. В нашей коммуналке жила преподаватель английского языка одного из институтов Москвы. Повезло. Интересно было нам обоим. Испанский взял вторым языком по совету преподавателя в Суворовском. Пушту учил со второго курса в военном училище. С базовым азербайджанским и слегка талышским пушту пошёл легко – родственные языки. Дари принялся осваивать в 101-й диверсионной разведшколе, в которую меня пригласили сразу после военного училища.

Это была знаменитая в узких кругах диверсионная школа, в которой в самом начале Великой Отечественной войны училась Зоя Космодемьянская, а после войны преподавал Илья Старинов. Её курсанты Лесной школой называли. Традиционно сделали мне предложение, от которого не отказываются. Да я и не собирался – таким, как я, подобные предложения делают только один раз в жизни.

Поступил я на ускоренный факультет специальных операций, всё же у меня уже было профильное образование.

Учили в высшей разведывательной школе первого главного управления КГБ на совесть. Особенно мне нравились дисциплины: разведывательное искусство, информационная работа, страноведение, основы дипломатической службы, политические науки, обнаружение наружного наблюдения и уход от него, а также многое другое. Закончил почти с отличием. Потом три месяца провёл в учебном центре в Термезе, где проходил адаптацию к жаркому климату и учился выживать в нём, а уж языковой практики в последние годы у меня было с избытком.

Зря местные «духи» считают охрану базы «зелёными беретами». К официальным «зелёным беретам» они никакого отношения не имеют. «Дикие гуси». Наёмники. Полный европейский интернационал. Ирландец, швед, два норвежца, три испанца, немцы, австрийцы, семеро непонятных негров, португалец и ещё какой-то сброд. Нет только индусов, Пакистанцев и индонезийцев. В общем, правильно. Их троих рядом поставить – стрельба моментально начнётся.

Шестеро американцев есть, но они держатся обособленно, охраняют вход в отдельный каземат крепости и с пленными не общаются. В этом каземате располагаются изолированно расположенный блок спецсвязи, медицинские и хирургические палаты, а также комплекс звукозаписывающей аппаратуры и аппаратуры видеонаблюдения, которым руководит американец Майк Ренделл. Все, кто живёт и работает в этом отдельном каземате, практически не выходят из него.

Наши охранники попроще и за своими языками совсем не следят. Именно так мне почти удалось бежать. Почти. Как оказалось, убежать отсюда невозможно. Узкая долина, зажатая непроходимыми горами, переходит в длинное ущелье.

В долине помимо нашей базы находится учебный центр нескольких крупных отрядов моджахедов. Иногда здесь собирается несколько тысяч человек. Редко. Обычно живут не более трёхсот инструкторов, проповедников и другого различного сброда, которому в Афганистане уже делать нечего. Их иногда используют в различных разовых акциях.

Из базы только одна дорога, а патронов у часовых не было, и только в ущелье я понял, что меня развели как щенка, спровоцировав мой побег.

Зажали меня прямо на выходе из ущелья. Охоту устроили облавную, с двух сторон. Проверяли каждый камень, и спрятаться мне не удалось. Увидев густую цепь безоружных загонщиков, идущих мне навстречу, я понял, что меня не хотят убивать, и напоследок оторвался от всей широты своей души. Убивать меня на самом деле не стали, хотя и навалили триндюлей по полной программе, а потом уже в который раз подвесили на местную дыбу.

Майкопфф действительно умная скотина. Зачем я ему нужен, я так и не понял. И зачем ему вообще советские пленные, если Советский Союз развалился? Эту невероятную поначалу информацию я тоже получил от охранников. Придётся сдаваться. Иначе информации не получить.

Нет. Не как старший лейтенант спецназа. Такого подарка специальному агенту Центрального разведывательного управления делать нельзя. Как старший сержант Колесников Александр Николаевич. Тысяча девятьсот шестьдесят шестого года рождения, комсомолец и профессиональный радист, приданный специальной разведгруппе, сформированной в 56-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригаде для выполнения специальных заданий командования.

Пусть проверяют. Пятьдесят шестая ДШБ выведена из Афгана ещё в августе восемьдесят восьмого. С нашим извечным бардаком замотаются концы собирать. Откуда простой сержант может знать механизмы тылового обеспечения отдельной разведгруппы? Всё знали командиры, а они погибли. Все Санины сослуживцы уже давно на дембеле, командиры, задёрганные передислокациями и реорганизациями, едва ли вспомнят сержанта Колесникова, а родственников у Сани нет, и надавить на него через них невозможно.

«Прости меня, Сашка».

* * *

Майкопфф появился у русского через восемь дней. Все эти восемь суток русский смотрел видеоподборку, подготовленную для таких, как он, солдат, с событиями в мире и в уже бывшем СССР. С каждым днём солдат становился всё мрачней и мрачней, и даже Лейла, с подробностями расска-

зывавшая события недавней своей истории, уже не радовала его.

И вот вместо Лейлы и завтрака к русскому зашёл Майкопфф. Ренделл сделал звук погромче. Сейчас всё произойдёт. Самая кульминация долгоиграющего процесса...

Но русский обломал их обоих.

– Я согласен, но два простых условия и два необычных подарка лично от меня. Иначе просто убейте, или я убью и вас, и себя. Себя уж точно успею. – В руках у русского появился скальпель.

«Вот мерзавец! – мелькнула мысль у Ренделла. – Откуда он его взял? Девчонка притащила? Удавлю суку!»

Вот это прокол! Майкопфф теперь все мозги выест сотрудникам спецблока. От возмущения Ренделл даже пристукнул ладонью по подлокотнику кресла.

– Что за условия и подарки? – несмотря ни на что, босс был невозмутим.

– Девочка поедет со мной, её лояльность я гарантирую. Если надо, убью её подругу. Здесь русских я не убиваю, они мне невероятно дороги как память. Всё же сидели в одном дерьме. А еще вам очень нравится сабля Мохаммеда, которую он отказывается продавать. Про семейную реликвию Мохаммед трывдит, как Троцкий, но вещь стоящая. Крайне редкая сабля Каратабан, крупные натуральные камни, шестнадцатый век. Взял он её вместе с кинжалом случайным трофеем, убив старика-хозяина. В этой семье сабля считалась

священной реликвией, передаваемой из поколения в поколение. Цены у неё нет – она бесценна. Никакой коллекционер не сможет её оценить, но семья, которой она принадлежала, сделает для вас всё, чтобы сабля вернулась обратно. Я вам подарю эту крайне редкую жемчужину.

Здесь очень мало развлечений, а дисциплина непривычно жёсткая для «духов». Отчего они периодически впадают в тоску. Объявите всем, что я вызываю Мохаммеда на поединок, и поставьте на меня деньги. Он с саблей и кинжалом, я – с голыми руками и любыми подручными предметами, подобранными на месте схватки. Ставка для Мохаммеда с вашей стороны: включение его в вашу специальную группу. Обставьте это как испытательный бой. Попасть к вам он может только через мой труп. Не беспокойтесь. Убить меня не так просто. Такого удовольствия этому падальщику я не доставлю. Боец Мохаммед не очень, слишком уж привык пользоваться длинной железкой. К вам Мохаммед рвётся только по одной причине: за войну у него скопилось слишком много кровников, поэтому он со своими шакалами на этой базе и сидит. В Афганистане им всем моментально яйца на фюзеляж наматывают, предварительно выпустив кишки на волю.

Война с Советским Союзом закончилась, идёт передел и так невеликой собственности, и такие беспредельщики уже никому не нужны. Вешать себе на шею их кровников не хочет никто. Бывший владелец сабли и кинжала был очень непростой старик, хотя и жил в нищем отдалённом кишлаке.

Его семья очень хочет поиметь труп кровника во все немыслимые места. Для Мохаммеда приготовлена персональная свинья шкура, и он о ней знает.

Подарим друг другу подарки. Вам – саблю, вашему помощнику Майку Ренделлу – кинжал, а вы мне – Мохаммеда и возможность заработать. С голой задницей начинать новую жизнь бессмысленно, ещё неизвестно, будет ли у меня возможность так крупно подняться за чужой счёт. К тому же у меня к Мохаммеду личные счёты. Я этого шакала всё равно убью. Не сейчас, так через пять или десять лет. Просто через десять лет его сложнее будет найти, и встанет это мне значительно дороже, а здесь вы поможете мне сами.

Прозвучавшее предложение было настолько безумным, что Ренделл опешил. Майкопфф, впрочем, тоже, но босс пришёл в себя намного раньше. Хотя это теперь уже его серьёзный прокол. Русский знает настоящую фамилию сотрудника ЦРУ, хотя они никогда не встречались.

«Но откуда? Дьявол его раздери!»

– Ты очень много знаешь. Откуда?

Конечно, я ждал этот вопрос. Саня знал пушту и слегка дари. Почему бы ему не знать слегка и английский? Проверить это пока сложно. В техникуме не знал? Позже выучил.

– Я понимаю пушту и дари. Немного знаю английский, у меня есть способности к изучению иностранных языков. Говорю очень плохо, но многое понимаю. К тому же я почти год дружил с офицером спецназа, москвичом. Он свободно го-

ворил на пушту и по-английски и натаскивал меня. Времени у меня здесь полно, а ваша охрана совсем не умеет держать язык за зубами, да и «духи» говорливы не в меру. – Вот я сам себя и сдал, но это скрывать нельзя, так как о нашей с Сашкой дружбе знали очень многие.

– Откуда у тебя скальпель? – Это тоже интересовало Ренделла.

– У врача украл. Он ни о чём кроме баб и думать не может и таскает всё время их за собой, а грудастая, стоя у кровати, прикрывает левую камеру. Врач без этой, с вашего позволения, медсестры даже в туалет не ходит.

Места у кровати мало, а в медицине грудастая разбирается, как корова в лингвистике. Работает всё время вторая, а врач только на грудастую смотрит, вот из кармана и вытащил. В том месте, где я рос, это было очень полезным и нужным для увеличения личного благосостояния умением. – Русский издевательски усмехнулся.

Ренделл мгновенно налился злобой.

«Удавлю обоих, и врача, и грудастую. Так подставить».

– Тебе не интересно моё предложение? – Начиналась традиционная игра словами, которую всегда выигрывал Майкопфф, но русский не повёлся.

– Я уже сказал: я согласен. Мне это интересно, как и любое задание, которое я получу от вас, но подобные детали предпочтительнее было бы обсудить с вами позднее и наиболее подробно. Другого выхода отсюда для меня нет, а я

хочу жить и очень хочу узнать, кто послал меня на верную смерть. Мне оставалось служить всего полтора месяца, а меня в приказном порядке засунули в группу, остающуюся в Афгане. Классически сделали предложение, от которого я не смог отказаться. Не сейчас, так через десять лет. Не через десять, так через тридцать, но я всё равно узнаю, кто и зачем меня так подставил. Я надеюсь, они не успеют подохнуть раньше. – В голосе солдата звучала бешеная злоба.

– И как же тебя подставили? – Майкопфф сделал заинтересованное лицо.

Американский разведчик, конечно же, лишь сделал вид, что ничего не знает, ведь я эту байку уже прогнал своей красотке Лейле, а микрофоны стоят даже в изголовье моей кровати.

– Скажем так. Я не всё сдавал взятое в рейдах и должен был приехать в Союз весьма обеспеченным человеком. Об этом практически никто не знал, но вместо обеспеченной старости мне пообещали десять лет строгого режима либо два года сверхсрочной. Я выбрал последнее. – Я криво усмехнулся.

– И сколько же ты собрал?

Вот этого я не говорил, но сейчас нельзя продешевить. За двадцать копеек не рискует никто в мире.

– Почти десять килограммов золота в изделиях с правильными камнями и сорок тысяч долларов с небольшим пистолетом с глушителем лежали в моей рации. Никто не знал, что

вместо радиодеталей там такая необычная начинка. Я ошибся. Кто-то знал. Теперь мне надо узнать, кто.

Ренделл мысленно присвистнул. Даже в Америке это были приличные деньги. Многие местные ювелирные изделия стоят очень недёшево в любой цивилизованной стране. У русского солдата есть деловая хватка, но у русских сажают не только за деловую хватку, но и за золото, снятое с трупов. Теперь понятно, как его зацепили.

– Зачем тебе эта девка? – Босс, как всегда, действовал внезапно.

Начинался торг. Он был странен своей абсурдностью, но русский опять удивил их обоих.

– Необычайно талантливая стерва. Так изображать невинность сможет далеко не каждая шлюха. К тому же в группе должна быть такая, как она, а то и не одна. Зачем искать и отсеивать претенденток, когда уже есть то, что нам необходимо? Проще привязать кровью и облагодетельствовать жизнью. Её жизнью. Осталось только чуть подучить и пустить в дело. – Теперь русский был менторски спокоен. Как будто обсуждал достоинства и недостатки скальпеля у него в руках.

– В какой группе? – Опять интересно. Босс, как говорят русские, включил дурака.

– В той группе, которую вы набираете. Могу назвать фамилии, звания, национальную принадлежность и особые приметы четырнадцати отобранных вами человек. Можно

работать и одному, но всегда должна быть группа поддержки и тылового обеспечения, которую я буду набирать сам. К тому же девка красива, молода, адаптивна и легко обучаема. Главное – обоюдное желание. Ваше желание в первую очередь.

Вы ведь знаете, что она медсестра? В Советском Союзе было много всего и разного, и плохого, и хорошего, но одного не отнять: профессиональное обучение просто потрясающее. Если медсестра, то психологически выдержанная и будет спокойно работать даже в кратере вулкана или под миномётным обстрелом. Если пекарь, так универсал и выпечь хлеб сможет в русской печи, тандыре или на раскаленном листе кровельного железа. Если механизатор, то за двадцать минут легко освоит управление любым танком, бэтэ-эром или трактором, а если понадобится – катером, моторной лодкой или аэросанями.

Эта девочка уже не боится крови, а все иллюзии у неё улетучились совсем недавно стараниями десятков местных учителей, и вы это прекрасно понимаете. Чтобы выжить, она зарежет на этой базе любого, кроме своего хозяина. Просто потому, что без хозяина она отсюда не выберется. Медицинская сестра с потрясающей пластикой, танцевальными навыками и опытом последних месяцев её жизни – редчайшее сочетание. Проституток можно набрать несколько десятков, а медик в группе просто необходим. Она хочет жить, умеет лечить и научится хорошо убивать. Хотя решать, конечно же,

вам... хозяин. — Колесникофф замолчал, спокойно глядя на Майкопфа.

Ренделл поразился, как быстро русский солдат изменился. Фанатичное упорство исчезло, однако русский был готов умереть, но настоять на своём предложении, грамотно при этом аргументировав его.

* * *

Мохаммед, услышав о поединке, так искренне благодарил Аллаха, что Ренделл почти поверил, что тот правоверный мусульманин. Весть о поединке распространилась, как степной пожар, и ставки взлетели до небес, как искры степного пожара. Русского упрямца хотели убить многие, но на него никто не ставил. Мохаммед был очень опытным боевиком и воевал с детских лет. Количество убитых им шурави и кровников давно перевалило за четвертую сотню. Жестокость, с которой он пластал пленных своей знаменитой саблей в рейдах и на базе, давно уже стала иносказательной.

Мохаммед продержался против безоружного русского солдата одиннадцать секунд. Пару раз увернувшись от ложных выпадов рисующегося перед дружками моджахеда и дождавшись подходящего момента, русский метнул в лицо своего противника гранитную крошку: песок на таком расстоянии не был бы настолько эффективен. Мизерные камешки попали моджахеду в глаза, и Мохаммед всего лишь на мгно-

вение потерял русского солдата из виду. Шурави голыми руками сломал противнику руку с саблей, вырвал ему кадык и выиграл тридцать тысяч долларов, поставив всего две тысячи. Деньги перед поединком он взял в долг у Майкопфа под гигантские проценты. Этот русский солдат оказался не только везучим и рисковым, но и с деловой хваткой.

Сколько поднял Майкопфф на этой необычной дуэли, Ренделл так никогда и не узнал, но выглядел он очень довольным. Сам Ренделл, как и большинство зелёных беретов и моджахедов, проиграл всё до последнего цента, поставив на этого безмозглого барана, но свой кинжал всё равно получил. Впрочем, кинжал оказался усыпан настоящими рубинами и стоил целое состояние, но сабля, которую с благоговением взял в руки Майкопфф, стоила десятки таких состояний.

Через двое суток зинданы базы опустели. Четырнадцать советских солдат безжалостно уничтожили своих сокамерников, залив камеры каземата их кровью под запись видеокамер. Русский в этом не участвовал, но Лейла как привязанная ходила следом за ними, беспристрастно перерезая глотки и раненым, и трупам. Не всем. Её хватило только на четверых. После чего у девушки началась жуткая истерика, и русский солдат, взяв Лейлу на руки, унёс её в медицинский блок.

Напарницу медсестры русский убил значительно раньше одним ударом скальпеля, но сделал это потрясающе краси-

во. После длительного и яростного секса, когда умотанная девушка потянулась за бокалом воды, русский левой рукой аккуратно ударил её под лопатку, и проститутка легла щекой на подушку – как будто уснула. За водой русский дотянулся сам, а потом, утолив жажду, изнасиловал уже мёртвую проститутку, так и не вынимая скальпеля из её тела.

Только тогда Ренделл понял, что русский прекрасно знал о микрофонах и скрытых камерах, установленных в его комнате, и этим демонстративным изнасилованием безвольного трупа сжёг за собой все мосты.

В любой стране мира за подобное деяние преступнику-извращенцу грозила смертная казнь.

По сравнению со всеми остальными советскими военнопленными этот солдат был уникален. Майкопфф выпестовал и вытащил из бесконечной колоды единственного джокера.

Следующей ночью группа Майкопффа исчезла вместе с частью мнимых «зелёных беретов». Зачем старший советник Центрального разведывательного управления в Пакистане собирал эту странную группу, отозванный в Америку Ренделл так никогда и не узнал.

...Через год машина Ренделла выскочила на встречную полосу скоростного автобана и влетела под многотонный грузовик. Куски Ренделла с огромным трудом собрали, чтобы уложить в красивенький ящик, а остатки его машины уже через пару дней загнали под пресс, обрубив все концы. Никто и никогда так и не узнал, что рулевое управление его

«Крайслера» было намеренно повреждено.

Глава 3

Оправдание предательства

Меня можно обсуждать и осуждать, но другого выхода не существовало. Если пьянку нельзя предотвратить, то её надо возглавить. Простой боевик долго не живёт. Именно поэтому я так долго сопротивлялся вербовке, хотя сначала пытался бежать. Поняв, что это невозможно, я стал искать другой выход, а он был единственный. Сдохнуть на радость толпе грязных, ликующих беспределщиков у меня желания не было, а иной вариант был только через смерть других людей. Мне просто необходимо было вернуться. Дома меня ждали мама и парализованный дед.

То, что Майкопфф русский, я понял почти сразу. То, что он не из первой и второй волны эмигрантов, тоже было понятно, а вот дальше пошла косвенная информация охранников. Его дико боялись даже безбашенные «дикие гуси», не говоря уже о местных «духах».

Кроме того, странен был не только состав набираемых им людей, но и методы подготовки к их вербовке. Сначала я не слишком понимал это, но потом догадался, что людей ломают, основываясь на национальных чертах каждого человека и их личных характерах. Так, Реваза Беридзе никогда не унижали и не били палками, хотя тому же стоически упорному

казаху Мусабаеву вваливали палками как минимум раз в две недели, но обоим никогда не плевали в лицо, как высокомерному латышу Балодису. На нём отметились все «духи», но только «духи». Ни один европеец к нему никогда не подходил. Татарин Айрат Бакшеев периодически висел на дыбе, недолго, но ему хватало. Все четверо постоянно, как по графику, были прикованы к столбам на плацу без воды и еды.

А вот над русскими, украинцами и белорусами издевались и вытирали о них ноги все кому не лень. Вернее, все по кругу. К простым избиениям добавлялись пытки жаждой на всех в одной здоровой металлической клетке на крыше крепости, а также холодом и сыростью в одиночном пенале подвала тюремного каземата. Тренировки с толпой моджахедов в качестве боксёрской груши и спарринги с мнимыми «зелёными беретами».

Со мной, правда, обломались. После того как я ударом ноги убил одного наёмника, а перед этим убил двоих и покалечил троих «духов», меня на тренировки больше не водили, но остальные вкусили этого удовольствия с горкой.

Уехали мы, в принципе, недалеко, в другой лагерь подготовки, но здесь нами занимались вплотную именно военно-прикладным обучением. Недолго, но интенсивно. Ну и, разумеется, вязали кровью дальше. Теперь уже по моей схеме: Майкопффу понравилось демонстративное убийство проститутки. Одно дело – убийство с автоматом в руках, а другое – жестокое бытовое. Действительно, ни от какого су-

да не отмажешься. Понравилось это только Лейле, и она с огромным удовольствием зарезала одного из негров, оказавшегося настоящим американцем. Чем он так не угодил Майкопффу? Думаю, что длинным языком. Почти наверняка он стучал руководству нашего Куратора.

Впрочем, остальные тоже не отказались, и количество проституток в Исламабаде слегка подсократилось. Большинство из убитых оказались бывшими подружками нашей кровавой, но несчастной медсестрички. Попастъ так, как она, врагу не пожелаешь. Уничтожили, по словам Лейлы, всех без исключения девчонок той группы, с которой она прилетела.

После первой подружки я понял, что Майкопфф начинает зачищать её бывшее окружение, а значит, Лейла зачем-то сильно понадобилась Куратору. Так не заботятся об одноразовых боевиках. Вероятнее всего, у него осел и старый паспорт Лейлы.

Группа наёмников из местных работала в столице Пакистана вместе с нами. Они занимались техническим обеспечением ликвидаций и проворачивали какие-то дела Куратора.

Лейла-Лина была полностью моей. И агентом, и любовницей, и информатором, и учеником. Конечно же она стучала Куратору, но только ему и только потому, что я настоятельно рекомендовал ей это. Условия дальнейшей жизни Лейлы объяснял ей тоже я. Объяснил, зачем она мне нужна. Лина не раздумывала ни мгновения. Она сразу поняла, куда по-

пала. Из окна медсанчасти был виден плац учебного центра с толпами моджахедов. Альтернатива была прозрачна. Лина тоже очень хотела жить, и жить хорошо, а ненависти ко всему миру и преданности лично мне в ней было через край. Девушка прекрасно понимала, почему её никто не трогает ни в моей группе, ни в учебном центре: мне не нужны были конфликты в группе из-за смазливой мордашки, но необходима была сплочённость группы как единого механизма.

Наёмники ко мне подходить просто боялись, а после того, как один из них похлопал Лейлу по попке и почти сразу потерял сознание от моего удара ногой в голову, я подошёл к старшему группы наёмников. О чём мы говорили с Густавом, никто из его подчинённых не знает, но ни к Лейле, ни к ребятам из моей группы они больше никогда не подходили. Невезучий наёмник лишился половины зубов, а также заработал сотрясение мозга и искусственную челюсть. Вряд ли ему соберут нижнюю челюсть в том виде, в каком она была до общения с моей ногой. Хорошие врачи в Пакистане редкость, а их услуги стоят баснословно дорого.

Я до сих пор не понимал, зачем мы нужны нашему Куратору. Большинство из группы, что он набрал, ни в каком месте не тянули на наёмников. Так, одноразовое пушечное мясо.

Мир разваливался и воевал. Вспыхнула война в Югославии и Сербии, продолжала полыхать Ангола, начался какой-то бардак в Чечне. По кускам развалился Советский Со-

юз. Дерьмократическую Россию трясло и корёжило. Это уже была совсем не наша Родина, которой мы все присягали.

И всё это было настолько далеко от злобного, оторванного от всего мира клубка пакистанской базы, что до нас долетали только отдалённые слухи, но, тем не менее, в процессе обучения помимо Лины я отметил для себя четверых. Я чувствовал, что Майкопфф придумал какую-то авантюру, причём исключительно для себя любимого. Уж больно ему понравился лёгкий способ заработка, предложенный мной.

Устраивать тотализатор в учебном лагере глупо. Слишком большая засветка для участника, да и деньги не те. К тому же рано скидывать со счетов ЦРУ. Вероятнее всего, идёт проверка наших показаний. Как бы то ни было, мне оставалось только ждать. Бежать отсюда было некуда и пока поздно.

* * *

– Десять процентов мне и по полтора процента каждому участнику с ваших сумм. Без торговли и обсуждений. Побочные заработки и трофеи идут в отрядную копилку и делятся на всех поровну.

Я, наконец, узнал, зачем мы нужны Куратору.

– Ты в своём уме, Джокер?

С лёгкой руки Ренделла меня теперь зовут Джокер. Майкопффу понравилось – это косвенное признание его заслуг.

– Да, Куратор, я в своём уме. Из своих процентов я бу-

ду награждать отличившихся. Группа будет небольшая, так что не разоритесь. Одноразовых боевиков будете набирать сами, но расплачиваться с ними будем мы. Их вознаграждение тоже пойдёт в отрядную копилку. Людей необходимо поощрять, поэтому проценты со временем поднимете. Пока я озвучил минимум. Всё сразу либо пасть порвём, либо задница слипнется. Кроме того, у меня есть предложение, но прозвучит оно после исполнения первого задания.

Обсуждать состав моей группы Куратор позвал меня одного. Идея была не нова, но начал он всё же с задания ЦРУ. Чем серьёзно насмешил меня. Мир изменился, но ни аналитики ЦРУ, ни сам Куратор этого пока не поняли. Слишком обвальюно он изменился и меняется до сих пор.

Набрав группу из военнопленных разных национальностей, их собрались, снабдив легендами, отправлять в их бывшие республики, а как раз в этом не было никакого смысла. Отправлять в Россию через их родину – да, а сгноить подготовленного боевика в той же Сакартвелло-Грузии смысла не было никакого.

Зачем Штатам ещё одна банановая республика? Она сама скоро ляжет под кого-нибудь. Уже сейчас в той же Грузии можно набрать в качестве агентов половину этого смешного государства, а вторая половина будет стоять в очереди на вербовку.

Да и Реваза мне было отдавать откровенно жаль. Талантливый парень. У меня были на него свои планы. Так что Ре-

ваза и казанского татарина Айрата Бакшеева я отбил влёгкую, а вот Балодиса одобрил на отправку, но тоже со своими далеко идущими планами, которые приоткрыл пока только слегка.

Все остальные меня не сильно интересовали, кроме ещё двоих. Белорус Алексей Савинич и русский украинец Серёга Мартынюк подходили мне по нескольким параметрам. Савинич был высококлассным механиком, а Мартынюк – очень неплохим снайпером. Плюс подтянутая до весьма приличного уровня диверсионная подготовка и рукопашный бой. Плюс их проживание: Савинич жил почти в самом центре Минска, а Мартынюк всю свою сознательную и бессознательную жизнь прожил в Симферополе.

Со мной и Линой набралось шесть человек. Ну а потом Куратор выложил мне свои планы.

– Мне проще вас похоронить и набрать других!

Майкопфф был взбешён. Он совсем не ожидал таких слов, но я не собирался прогибаться. Идея была хороша. Вполне в духе нашего Куратора.

– Конечно, проще. Набрать безмозглых болванов всегда проще. Вот только вы недаром набирали умных. С умными сложнее, но они по-тупому не подставят и в спину ржавый нож не воткнут. Просто потому что умные. А вот использовать умных и не платить им глупо. Тот же Реваз уже во второй раз, увидев кучу денег, серьёзно задумается вас кинуть. Потому что можно взять всего один раз и больше ни о чём не

думать. С чемоданом долларов можно убежать на другой конец света, но можно потихонечку набрать свой чемодан долларов и не рисковать лишнего. Тем более что вы прорабатываете все детали операций, используя свою информацию. Мы только исполнители и думать за вас не собираемся. Нас нет необходимости контролировать, а вот покойный Мохаммед никогда бы об этом не подумал и кинул бы вас сразу, обгадив всю малину.

– Пять процентов на всех.

Майкопфф начал торговаться, а значит, начал думать головой, а не, как прежде, пятой точкой. Уже хорошо. Но думать надо было раньше, а не пытаться хапать и ртом, и задницей.

– Двадцать процентов с двух миллионов – это всего четыреста тысяч. Не жидитесь, Куратор. Вы же не иудей и не хохол. Идея всеобщего братства здесь не прокатит. Ничем мы уже были. Хватит одного раза.

Я знал, что просил. Если Куратора не задушит жаба, мы все озолотимся, а он – в первую очередь

– Чёрт с тобой, Джокер. Ты уверен в своих людях?

Быстро он сломался не потому, что захочет нас зачистить, а потому что я реально недорого попросил. Пока недорого. Куратор потом поднимет процент вознаграждения. Никуда он не денется. Аппетит приходит во время еды, а использовать посторонних боевиков в таком сложном деле – это просто отдать огромные деньги в чужие руки.

Идея Куратора действительно оригинальна. Он предложил своему руководству сбор стратегической информации у бывших партийных и государственных чиновников Советского Союза. Но сбор коммерческой и стратегической информации таким необычным способом был только предлогом для личного обогащения Майкопффа. Вся эта чиновничья шушера уходила из страны с хорошими деньгами и ценностями.

Грابتь тех, кто был всем в нашей уже не существующей стране, было неплохой идеей. Именно для этого Куратору были нужны подготовленные боевики, преданные лично ему. При этом это должны быть только те, на кого у него был убойный компромат. Ни наёмники из других стран, ни моджахеды здесь не подходят. Нужны люди, говорящие на языке противника и знающие менталитет своих жертв.

Прикрытие своих делишек интересами ЦРУ было гениальным ходом. При этом оружием, спецсредствами, документами и деньгами для операций нас обеспечивало ЦРУ, а все детали прорабатывал Майкопфф, используя своих информаторов.

Перебить нас и набрать других? Даже не смешно. Где он наберёт такое количество завязанных лично на него людей? Да и времени у него совсем нет. Операция уже запущена.

Тридцать шесть агентов, ушедших в новоявленную Россию, тоже ушли не просто так. Ещё двадцать два человека – личные агенты Майкопффа, набранные им в разные годы. Я

их не знал и никогда не видел, но это пока неважно. Если мы будем работать с Куратором и дальше, они проявятся.

Изучая геополитическую информацию, предоставляемую мне, и узнав о планах Куратора, я пришёл к выводу, что некоторая часть наших клиентов пока останется на местах. Из бывших республик побегут далеко не все, а значит, необходимо собирать информацию в местах их проживания и, анализируя её, проводить точечные операции на выездах. Для чего нам и нужны агенты, заброшенные в Россию. Им всё равно выделены деньги на развитие. Вот и пусть пока резвятся. Вырастут, увеличат капиталы, я их вытрясу и сдам спецслужбам своей страны.

На америкосов я ещё не работал. У каждого своя игра. Мне надо вернуться домой второй раз. На чужом щите меня домой уже вернули, а свой щит я выкую себе сам.

– Первую операцию мы будем проводить в усеченном составе. Со мной пойдут Лейла и Батыр.

Назвать Батыром невысокого и худенького Айрата Бакшеева не было издевательством. Это было данью моего уважения к этому парню. При небольшом, даже для своей национальности, росте и субтильном телосложении этот казанский татарин обладал железной выдержкой и стальными канатами вместо нервов и мышц.

За два с лишним года в качестве спарринг-партнёра у «диких гусей» Айрат стал классным бойцом, что убедительно доказал, зарезав одного из них во время учебного боя его же

деревянным ножом. С моего разрешения и по его просьбе. За что он теперь мне обязан по гроб жизни, а на приятелей невезучего испанца нам всем наср... плевать с высокой колокольни. Я им вообще пообещал натравить на них Лейлу, отчего все они моментально сдулись.

Все свои деньги я трачу на обучение своей группы, и Лейлу с самого начала учат владению двумя ножами, а в основном стилетами, так как они легче, что для этой субтильной девочки весьма существенно. Начав учить Лейлу ножевому бою, я вытащил своего джокера женского пола.

Лине я оставил её старую кличку проститутки по двум причинам. Во-первых, чтобы она помнила, кто её загнал на самое дно жизни, а во-вторых, чтобы всегда помнила, кто её оттуда вытащил, рискнув ещё и своей жизнью. Наедине я зову её только так, как её называла мама. За что она благодарна мне втройне. Причём назвал я её так случайно, наверное, интуитивно, чем поразил девушку до глубины души.

Имя Линка-картинка ей очень идёт. Эта девочка действительно напоминает потрясающе красивую картинку. Я не берусь представить, какой она была в детстве и ранней юности, но даже сейчас, после жесточайших изнасилований в Исламабаде и на секретной базе Куратора Лина выглядит так, что все западные модели удавятся от зависти.

Это только кажется, что нескольких месяцев интенсивнейших тренировок – это крайне мало, но когда человеку нужно научиться убивать и он уже не боится крови, резуль-

таты поразительны. Лейла не боится не только крови. Не бывает медсестёр, боящихся крови, такие люди отсеиваются на начальном этапе профессионального обучения. Она вообще ничего не боится в бою.

После убийства первых людей в каземате базы ножом у Лины рухнул психологический барьер, отделяющий человека от кровавого зверя, и теперь она видит не живого человека, а мишень. Лейла ни с кем не будет драться, её прибьют первым же ударом – вес не тот. Она просто бросит метательный нож и убьёт любого самого здорового боевика.

Вместе с владением стилетами я сразу учил её бросать нож, и на базе есть очень умелый инструктор, которому это самому интересно. Женщины на базе – редкость, и для инструктора это бесценный опыт, который он получает, обучая курсанта субтильного телосложения. Да и деньги я плачу очень приличные.

Правда, в самом начале этот инструктор попробовал распустить руки, но ничего страшного. Отбитые яй... первичные половые признаки у него перестали отваливаться уже к концу второго дня после знакомства с ногой Лейлы, и он смог ходить почти прямо, а два передних зуба чуть позже можно и вставить. Это опять-таки Лейла – коленом. Если будет куда их вставлять. Потому что я пообещал в следующий раз оторвать ему его бестолковую головёнку.

– Остальные уходят по схеме Куратора на родину минимум на полгода, легализируются и готовят информацию по

точечным операциям. Крым всегда был здравницей для высшего партийного и хозяйственного аппарата. У многих там были свои дачи. С развалом страны они остались за границей. Мартын в состоянии собрать информацию. Заодно отдохнёт и прикупит недвижимость на побережье. Он местный, ему и деньги в руки. Такое же задание у Реваза, но у него работы значительно больше, поэтому после легализации у себя к нему приедет Савинич. Работаете в паре. Задание то же. Сбор информации и покупка недвижимости на побережье. В основном – сбор информации. Покупка недвижимости только на побережье России. В Грузии и Абхазии периодически стреляют. Нам ещё чужих разборок не хватало.

Инструктаж своей группе я проводил в присутствии Куратора. Это было необходимо в первую очередь мне. Я не просто так выбрал этих людей. К каждому из них у меня был свой ключик или рыболовный крючок, засунутый за самые гланды.

– Реваз, больше всего нам интересны Сочи, Туапсе, Геленджик, Новороссийск, Анапа и особенно Тамань. Смотри на месте сам. Осмотри ближайшее побережье Азовского моря. Интересует возможность устроить базу отдыха с выходом на два моря на катерах или яхтах. Можно и на маломерных рыболовных траулерах, но особенно не светись. Дворцы не нужны. Деньги будут. Лучше десять рыбацких хижин рядом или в разных местах, оформленных на твоих родственников

и близких друзей.

Присматривайся к одноразовым боевикам. Их понадобится очень много. Национальность этих одноразовых прокладок не важна, но сразу ищи места, где мы их будем топить или закапывать. Найти их не должны никогда.

Помимо всего остального нужны порядка четырёх доверенных людей для легальных действий, в том числе коммерческих, и четыре надёжных водителя большегрузных машин. С этим не горит, но к началу активных действий они должны быть. Этих людей мы никогда не тронем, если они будут придерживаться установленных нами правил.

Собирайте информацию о любых бандитских группировках в зоне своих действий. Их связях, интересах, численном составе, но ни в коем случае не выходите на близкий контакт. Судя по информации Куратора, они растут как грибы после дождя и постоянно грызутся между собой. Эти разборки нам тоже не нужны, но информация необходима самая полная. Всегда полезно знать, кого с кем можно столкнуть или на кого повесить собственные разбойные нападения.

Отпустив группу, я приготовился получать трюндюлей. Куратору сильно не понравился мой инструктаж. И они не заставили себя ждать.

– Зачем нам такая деятельность в Советском Союзе? Что ты там забыл?

Куратор долго мог плевать слюной, но его пора было возвращать с небес на землю, и я не совсем вежливо перебил

его.

– Кто сказал, что мне нужен Советский Союз? Этой страны уже год как нет. Вы слишком давно не были там. Районы, которые я назвал, необходимы как воздух. И совсем не для того, чтобы в них работать. Начинать включать голову, Куратор. Юг страны был наиболее коррумпирован при Советском Союзе. Первый президент Грузии – это бывший первый секретарь комсомола Грузинской ССР, бывший министр МВД, первый секретарь ЦК КП Грузии и так далее. Вы что думаете, в Абхазии, Осетии и на юге России иначе? Деньги оттуда никуда не ушли, и даже если ушли, люди остались, остались их связи, друзья и семьи. Так что даже если деньги и ушли за границу, за яйца их хозяев всё равно надо брать дома.

Работать мы будем в Крыму. А базироваться где? Как и откуда мы будем брать оружие? Как и на чём будем его перевозить? Воздушный шарик запустим из Турции? Или байдарку наймём в Румынии? Сейчас бардак везде. Деньги обесцениваются. Ребята за мизерные центы скупают сейчас недвижимость, которая будет стоить миллионы долларов уже через несколько лет. При этом люди, которых мы поставим, будут Реваза в задницу целовать за кусок хлеба, но не это главное. Любая операция со стрельбой там – это засветка. Здесь практически в любой стране мира мы получим то, что нам надо, а там я буду вынужден выходить на местных бандитов. Мне это зачем? Или вы думаете, мне скучно жить?

Заводим там тройку подставных фирм. В порты Прибалтики, Одессы или Ленинграда приходит контейнер с необходимым нам грузом, который вы собираете здесь. Заодно и товар, необходимый для прикрытия и развития, берём за бесценок. Выгружаем, растаможиваем, разгружаем на своём складе и своими фурами гоним туда, куда нам это необходимо, совершенно официально. И нигде не светим покупку оружия и спецсредств.

Причём мне не нужен навороченный импорт. Это как красная тряпка для быка для любой спецслужбы. Вполне хватит китайских, болгарских и румынских автоматов и пистолетов. Стоят копейки, и выкинуть не жалко. На складах бывших союзных стран Варшавского блока остались и РПГ, и гранаты, и одноразовые гранатометы, и любые стволы и боеприпасы к ним. Закупаете, делаете на всю стрелковку глушители – и вперёд и с песней.

Появятся деньги – надо покупать недвижимость в любых центральных городах. По той же причине. Вывозить свои деньги оттуда мы не будем, мы будем их там вкладывать. Здесь делайте что хотите, вы лучше нас знаете местную обстановку, а там можно не церемониться. Всё равно вся стрельба будет списана на бандитские разборки при переделе сфер влияния. Судя по вашей аналитической справке, там начинается Дикий Запад. В таком бардаке лучше всего подниматься.

Невинных там нет. Именно благодаря им мы все оказа-

лись в Афгане, а потом и в Пакистане. Они в шоколаде и на пляжах, а мы сами знаете где. Работать мы будем там, где вы скажете, Куратор, хоть в Антарктиде, но свои деньги мы будем вкладывать на нашей бывшей родине. Пока это возможно. В Европе уже всё слишком дорого и нам не по карману.

Есть старый хороший анекдот: в коровью лепёшку падает яблоко. Из него высовывается червяк и высокомерно смотрит вниз. Маленький червячок из лепёшки спрашивает маму: «Мама! А почему тот червячок в яблоке, а мы в таком дерьме?» А мама ему отвечает: «Здесь наша родина, сынок». Не надо смотреть на эту ситуацию из яблока, Куратор. Я знаю, как выбираться из дерьма. Всю жизнь этим занимаюсь. Один детский дом чего стоил.

Судьба дала мне шанс встретиться с вами. Это очень хороший шанс. Нам всем не нужны высокие деревья и райские кущи, нам на всех достаточно одного червивого яблока в обрамлении дерьма. При некотором старании, сноровке и поддержке его можно сделать золотым, а то и вовсе волшебным.

Просто всегда помните: любому червяку хочется стать бабочкой. Если ему помочь, он будет помнить это до конца жизни. На крючок вы нас посадили, теперь помогите вылезти из дерьма. До вашей высоты нам тянуться необходимости нет. С вашей помощью мы легко построим свою небольшую горку.

Не скажу, что я совсем убедил Куратора, но так он не рассматривал свою идею. Тем более что Куратор собирался

стать миллионером и потихоньку слиться, а я предлагал ему стать миллиардером и остаться на коне в ЦРУ. Развитие разведывательно-подрывной сети в стране подобным образом сулило серьёзные перспективы, а мне это было необходимо, чтобы вскрыть всю сеть его агентов.

Сам Куратор в нашу страну невъездной. Он не настолько безумен, чтобы появиться даже у её границ, и со временем ему придётся передавать бразды правления своими агентами. Кому-то внутри его организации? Он что, совсем больной? Его тут же зачистят. Значит, кому-то, кто постоянно рядом с ним. А кто рядом с ним? Вот так-то. Либо я, либо Лейла. Недаром же Куратор её так обхаживал в Пакистане.

Ещё в Исламабаде я понял, что это жу-жу неспроста. Куратор быстро оценил перспективы развития этой маленькой девочки, а она работала на тренировках так, что падала от усталости, и показывала такие результаты, что все только удивлялись. В первый месяц, бывало, я Лейлу после тренировки на руках в нашу палатку уносил.

Ребята, которые уезжают домой, получили свои отдельные инструкции. Я чуточку раскрыл им свои карты, но не настолько, чтобы Куратор, получив информацию об этом, принялся меня убивать.

В первую очередь ребята должны позаботиться обо всех своих близких родственниках. Перевезти их в место, которое известно только им одним, но в идеале – в Россию. Отмазка в случае чего проста как пять копеек: перевезли сво-

их родственников, чтобы оформить недвижимость на надёжных людей. А то, что люди остались прописаны у себя, уехали и зависли где-то в воздухе... Так что поделаться? В России беспредел полнейший, сами волнуемся.

Найдём позже возможность купить новые документы – запрячем родственников подальше, а пока проживут, снимая квартиры под своими именами. Годик потерпят, денег им хватит. Куратор не жадничал в мелочах. Правда, он не знает, куда пойдёт большая часть его денег, но это его личные профессиональные трудности.

Лёха Савинич получил у меня дополнительное задание. Как и все остальные, он мне обязан по гроб жизни – я дважды не позволил его убить. В своё время, практически дожав Лешку на всё что угодно, Майкопфф закинул деморализованного водителя-механика в камеру к непримиримым. То есть к тем, кто яростно сопротивлялся вербовке, а простодушный белорус только поделился с сокамерниками своими сомнениями. Посчитав его провокатором, ночью Савинича пришли убивать, а я не дал. Не потому что пожалел, а потому что всегда считал, что перегрызться между собой недолго. Недолго и поубивать друг друга. Вот «духи»-то порадуются, что мы друг другу глотки рвём.

Так и сказал, огорчив Ренделла, сидящего на прослушке камеры. Правда, я тогда ещё не знал о Ренделле, но про прослушку был в курсе. Однажды, случайно обнаружив микрофон, я проверял камеры на прослушку, и, надо сказать, не

зря. Все камеры, включая одиночные и одиночные карцеры, были снабжены этим необычным девайсом.

Второй раз Лёху попытался убить агент Майкопффа, схватившись за заточку. Я только потом понял, что это была провокация против меня. Мы стояли рядом, и кто был целью, неизвестно, но Лёха отбиться бы сам не смог. Он – механик-водитель танка и всего, что катается по земле и плавает, а не такой убийца, как я. Пришлось забить заточку в грудь агенту и оставить его у двери. Сожрать его я не успел (меню у нас было слишком однообразное, и небольшое изменение в рационе не помешало бы, но микрофоны под потолком никуда не делись), так как охрана прибежала почти сразу, и я опять уехал на дыбу, а зрителям перед этим объяснил, что, если вернусь и не обнаружу Лёху живым, перебыю всех, кто находится в камере. И правых, и виноватых, и всех остальных до кучи. Разбираться не буду.

Провокаторов за сидельцев я не считаю. Не верят? Пусть тогда объяснят, где покойник взял заточку, если нас обыскивают по пять раз в день. Меня в ту камеру больше не вернули, но Лёха остался жив.

Савинич по пути к Ревазу доедет до Киева, найдёт маму и младшую сестрёнку Лины, передаст им её письмо с инструкциями и десять тысяч долларов из моего неприкосновенного запаса. Это мои последние деньги, которые я хранил как зеницу ока. После этого женщины должны пропасть и ждать. Лина найдёт их сама. Она, кстати, не знает, кто везёт письмо,

хотя и была в шоке от моего предложения. Денег у неё нет, и она совсем не думала, что я позабочусь о её сестрёнке и матери. Но Линка мне нужна. Вся. От маленьких пяточек и почти детских пальчиков на ногах до корней волос.

Савинич выполнит инструкции, если успеет. Куратор совсем не идиот, и возможностей у него значительно больше. Это уж как повезёт. Всем нам.

Глава 4

Мелкие радости отпускников

Прекрасна страна Греция. Как там в рекламном буклете? «В среднем климат зимой составляет от +10 по Цельсию, а летом колеблется от +30 до +40. На островах гораздо жарче, чем в северной части Греции. Самое жаркое время наступает с июля и длится до августа. Рай для туристов».

Бла-бла-бла. Дальше можно не цитировать. Не въезжали они в этот рай в стальном чреве морского контейнера, установленного прямо на палубе старого сухогруза. Какие там сорок градусов? А пятьдесят с хвостиком не хотите? Вот где единение в группе. Все голые, как в бане, и Лейла тоже. Как на нудистском пляже, а на неё ни у кого хвост не поднимается. Даже у Реваза, который её обожает. О как! Что с людьми природа делает. А Суэцкий канал – это вообще песня со слезами. Чуть было не зажарились.

Мы плывём из Карачи, что в Пакистане, в благословенную Грецию на греческом же сухогрузе. Мой план принят Куратором без изменений. Организация прикрытия его, и я одобрил теперь уже план Куратора.

Некий греческий бизнесмен (дай бог ему здоровья и долгих лет жизни), узнав, что в пакистанской тюрьме страдают бедные и несчастные советские солдатики, воспылал к нам

великой любовью и выкупил нас из рабства. За свои кровные, между прочим. И вот мы плывём уже навстречу своей судьбе.

Вместе с Ревазом, Савиничем и Мартынюком плывут навстречу с этой своей судьбой ещё девять несчастных бывших советских солдат, прошедших кровавую купель пакистанской каторги и учебного центра моджахедов. Но они путешествуют, как белые люди, в шикарных люксовых, по сравнению с камерами тюремного блока базы, каютах сухогруза, а не как мы втроём под палящим солнцем в контейнере. Что называется, почувствуйте разницу.

Понятно, что Реваз, Серёга и Лёха нас не забывают. Иначе, когда ещё Реваз увидит Лейлу во всей её обнажённой красе? Наш горячий во всех смыслах этого слова грузин ей с удовольствием бы присунул. Он пару раз пытался позвать Лейлу в свою каюту, но это удовольствие будет последним удовольствием в его не сильно долгой жизни, а евнухом Реваз становится почему-то не хочет. Хотя даже для меня загадка, куда обнажённая Лейла прячет свои ножи и стилеты.

Лейла, Батыр и я путешествуем инкогнито. Это было основное условие Куратора. Понятно. Я бы тоже опасался отпускать в свободное плавание всех нас одновременно. Сам-то он, как небожитель, полетел в самолёте.

Почему Греция? Два в одном. В Греции даже сейчас сильная коммунистическая партия, и благородные греки отправят почти счастливых воинов в объятия своей Родины-мате-

ри. За свой счёт. Журналисты уже ждут, подпрыгивая от возбуждения на месте. Наивные. Вроде акулы пера, а на такую туфту повелись. Никто верхнюю часть туловища включать не хочет. Хоть кто-нибудь подумал бы, где – Карачи и грек со своим сухогрузом, а где – тюрьма на границе с Афганистаном. Это вообще две планеты в разных уголках галактики.

Чуть позже мы втроем получим почти нормальные документы и зависнем здесь же, в Греции. Возвращаться домой нам пока рановато. Что мы там забыли с голой ж... пятой точкой? В Греции сильная компартия, и нас уже ждёт наш первый клиент. Поэтому Куратор и понёсся на крыльях любви, в смысле «бо-инга», готовить нашу первую операцию. Я так понял, что там ещё и какие-то личные заморочки замешаны.

По поводу контейнера я, конечно же, глумлюсь. После клетки под палящим солнцем на крыше старой крепости нам с Батыром ничего не страшно, там воды вообще не было, а здесь хоть залейся. Да и Лейла наслаждается своим новым и таким необычным для неё положением. Это не пяток наёмников, пускающих Лейлу по кругу во все дыхательные и пищеварительные в течение нескольких часов, а её боевые товарищи, угробившие в процессе тренировок четырёх её наёмников и всех сутенёров в Исламабаде. Ну, любили испанцы, португалец и негр групповушку. Что же теперь поделаться? У каждого свои маленькие слабости. Были.

Куратор стопудово на Лейлу поставил, раз с такой жесто-

костью зачистил её первый групповой сексуальный опыт, а последующий – уже мы. Как смогли, конечно же. Всех убрать было бы слишком заметно, но испанцы и португалец закончились, а негр отправился на тот свет с одобрения Куратора ещё в Исламабаде от рук самой Лейлы.

Я не виноват, что тупорылые «гуси» тотализатор устроили и проиграли. За язык их никто не тянул, а за сдуру брошенные слова надо отвечать. За язык не тянул, просто, как всегда, спровоцировал. Заодно мы слегка поднялись по деньгам. Десятка тысяч «грин» на дороге не валяется, тем более что я всё равно потратил её на ту же Лейлу.

Это что, последние баксы, валяющиеся под нашими ногами? С нашими-то талантами? Да я вас умоляю! Это как раз те самые десять тысяч долларов, которые едут с Савиничем в Киев к матери Лейлы.

Спасибо португальцу. Он был настолько самоуверен, что вызвал Реваза на поиграться на ножах, а Реваз порвал его голыми руками и долго пинал трупешник ногами – развлекался. Боевой транс называется. Пришлось водой обливать. Никак эти «пернатые» не поймут, что период бессловесной скотины закончился и никогда больше не вернётся.

Реваз и до плена был не подарок, а после базы и учебного центра моджахедов с ним смогут справиться только я и швед Густав. Остальных он просто порвёт, как португальца. Что говорить? Кандидат в мастера спорта по греко-римской борьбе ещё до армии, и в Афганистан Реваз вызвался доб-

ровольцем. Проверял себя и поссорился со старшим братом, который косо посмотрел на его девушку. Брат выпал из окна второго этажа их фамильного особняка в старейшем районе Тбилиси, а Реваз серьёзно поговорил с отцом и оказался в десанте.

В плен мой собрат по оковам угодил с двумя ранениями и контузией, отчего у него в бою периодически переключивает голову. Уже находящемуся без сознания португальцу Реваз просто переломил о колено позвоночник. Никогда такого не видел вживую. И поникшие наёмники, и в момент притихшие «духи», на ходу роняя отходы жизнедеятельности собственного организма и примеряя на себя положение португальца, расползлись по палаткам.

«Дикие гуси»! «Дикие гуси»! Кто им дал такое погоняло? Видимо, этот кадр не сильно понимал, что гуси хороши только на рождественском столе в качестве закуски, а мозги у них напрочь отсутствуют.

Кто-нибудь вообще про мозги у гусей слышал? Мало того что всей стаей пёрли у себя на горбу оборзевшего мальчишку со странным именем Нильс и гордились при этом. Так ещё и на весь мир об этом растрезвонили.

Именно так Лёха Савинич одного горячего испанского парня и подловил, рассказывая, как он у себя на даче под Минском гусей резал. Да с подробностями, а я переводил с различными глумливыми комментариями, рассказывая звероющим наёмникам подробности из сексуальной жизни пер-

натых. Приврал, конечно же. Гуси предпочитают гусынь, а не гусей, иначе они давно бы уже вымерли к чертям собачьим. Горячая испанская кровь – понты и привычная бравада, а мозгов там точно не было. Привыкли всей толпой долбить бессловесного забитого белоруса.

Лёшка Савинич невысокий, но здоровый и очень сильный. Так-то он и не дрался никогда. Кто такого здоровяка зацепит? Это надо совсем с головой не дружить, а наёмники из него боксёрскую грушу сделали и долбили до полусмерти на каждой тренировке. Удары я Лёхе за несколько месяцев поставил и посоветовал в бою себя не сдерживать, так он одним ударом испанца прибил. Как муху «пернатого» прихлопнул. Видимо, болела птичка, а выглядел здоровым птеродактилем. Савинич, наверное, сам не ожидал, что испанец так быстро закончится. Ну и рожа была у Лёшки! Это надо было видеть.

Главное, Лейла всё видела от начала и до конца. Да знаю я, что я провокатор, но после Мохаммеда наёмники в мою сторону даже искоса смотреть боятся, а Линке надо было подарок на день рождения устроить. Всё же юбилей. Двадцать два года исполнилось девочке, большая уже. В каждом возрасте есть свои подарки. Вот испанца на кулаке у Савинича и преподнесли, а потом накатили слегонца всей группой за её здоровье. Не пьянства ради, а дабы не отвыкнуть. Заодно и испанца помянули итальянским вином. Мы вежливые.

Это был последний испанец, а итальянское вино ещё оста-

валось. Кислятина. Португальский кагор значительно лучше, но его только одна бутылка была, и мы её имениннице подарили, а сами кислятиной давились. Правда, Линка со мной поделилась. Ночью.

Вместе с искренней благодарностью, а она умеет благодарить. Я думаю, не спали не только мы, но только мы не спали так сладко.

Предпоследний испанский кабальеро покончил жизнь самоубийством, зарезался. Шесть ударов ножом. Как он умудрился так неосторожно пораниться, никто так и не понял. Но мы здесь абсолютно ни при чём. Мы с Лейлой любили друг друга, и её крики аж на плацу слышны были, где половина лагеря по вечерам собиралась. Мои ребята были все на виду. Загадка природы.

Хорошие динамики у магнитофона. И запись хорошая. Мы постоянно записываем наши развлечения. И Линку прослушивание предыдущих сексуальных подвигов заводит, и для дела пригодилось, и ножи у Лейлы хорошие. Мой подарок, между прочим. Испанец напоследок оценил.

Это не просто подарки девушке, это проверка моих бойцов в различных ситуациях и подарки им же. Это наши маленькие тайны, о которых не знает Куратор и которые сплачивают мою группу лучше любого цемента.

Серёга Мартынюк выманил тупорылое «пернатое животное», Реваз с Батыром страховали, остальные изображали бурную деятельность на плацу. Данияр Мусабиев со своими

друзьями помогали и свидетельствовали позже, что мои ребята были вместе со всеми. Даже наёмники это подтвердили, а нас с Лейлой никто ни о чём не спрашивал. Нам весь лагерь завидовал.

Данияру Мусабаеву, кстати, мы тоже сделали подарок, но вместе с Батыром и Куратором и в самом начале обучения. Это была моя первая просьба Куратору, первый серьёзный разговор и первый слив информации, о которой Куратор даже не подозревал.

Дело в том, что один из негров был не только конченным садистом, но ещё и убитым наглухо нарकोшей.

Анашой баловались все. Группа наёмников – не несмышлёные детишки из детского садика, и расслабляться иногда надо. В тех местах курить анашу начинают значительно раньше, чем узнают грамоту. Скажу по секрету, в Афгане и Пакистане многие грамоту не познают и к старости, а с анашой идут под ручку с раннего детства, но это уже ненужные для всех подробности.

Героин был на базе под запретом под страхом смертной казни, а чернушка проигнорировал запрет. Никто из своих его сливать не стал, но мне он не был родственником, да и надоело смотреть на его лоснящуюся и гнусно усмехающуюся харю. Сам бы зарезал эту тварь с удовольствием, но чужими руками удовольствия гораздо больше.

Видя, что Данияр на грани помешательства от ненависти, я пришёл к Куратору и вломил чернушку по полной про-

грамме. Я пальцем до него не дотронулся. Мамой клянусь! Мы с Батыром на шухере стояли. Ну, только пару зрителей отвадили, и всё.

Как Данияр нашего палача пиз... лично общался! Руками, ногами, подручными предметами. (Мы только предметы подавали.) Опять ногами, когда предметы поломались. Один только раз поговорил, но так душевно. И ведь живым оставил!

Благородный человек, но лентяй. Добивать негра всё равно пришлось, не нам, правда, а Лейле. В качестве тренировки и через сутки. Наёмники тоже видели, с каким удовольствием Лейла чернушку зарезала, а потом ещё и кровь с ножа облизала. Трюк постановочный, но зато какой эффектный!

А куда этого поломанного палача было девать? Данияр ему позвоночник сломал. Чернушка только глазами ворочать мог, даже язык отнялся. Зато доходчивый урок для всех остальных.

Ну и что из того, что Данияр не в моей группе? Наркоша всем вваливал не по-детски, а зато наёмники сразу вкурили, что Куратор вырастил себе новую, не менее жестокую гвардию.

Смена состава, ребятки. Будет побольше времени, мы с Батыром вас всех втихую перебеём к бениной маме. Дайте нам только на ноги встать, устрою я вам проверку боевых навыков.

– Вы что, Куратор, белены объелись? Или начинается старческий маразм? Тогда все наши общие дела прекращаются за ненадобностью, ибо трупам материальные блага ни к чему, – принялся я наезжать на нашего босса вместо приветствия на девятый день нашего пребывания в греческом раю.

Мы сидели в маленьком открытом ресторанчике на окраине небольшого курортного городка. Вследствие раннего утра в ресторанчике практически не было народа.

– Объяснись.

Куратор был спокоен, что лишний раз подтверждало то, что наше первое задание – это или подстава, или проверка.

– Внешне всё выглядит вполне достойно. Эконом-отель, одной стороной своей выходящий на неплохой пляжик. Плюс очень приличный ресторан с потрясающим деревенским салатом. Оливковое масло просто бесподобно! Надо потом выяснить, где они его берут. И ненавязчивый сервис. Сказка! Мы бы там жили до конца жизни. Особенно за ваш счёт.

Микрофоны в нашем номере и очень плотное сопровождение нас с Лейлой в самые первые сутки нашего проживания. Хорошо, что Лейла у нас крикунья. Ну, совершенно не может себя сдерживать во время секса, и нас перестали плотно пасти уже на второй день. Пригляд всё равно остался –

микрофоны никуда не делись, и топтун один сохранился, но только на территории, прилегающей к отелю.

Никто уже не сомневается, что очередная советско-украинская млядь прилежно отрабатывает своё содержание. Девочки-горничные, в свою очередь, смотрят на меня с любопытством, а подпирающий стойку ресепшена охранник – с нескрываемой завистью.

В крыло хозяина из отеля допуска нет. Это не большая проблема, но этой дорогой возможен только уход. Дверь открывается изнутри, со стороны отеля даже ручки нет. Видеокамер немного, и они только на подъездах, так что обойдём без проблем. Охрана отеля рассчитана только на внутренние разборки с постояльцами, то есть никакая, а вот на выезде клиента сопровождают две не связанные друг с другом машины сопровождения. Одна берёт машину клиента от отеля, вторая подключается через три квартала. Следят ненавязчиво, почти не проверяются, там и маршрут только до ресторана. В ресторане клиента не ведут, работают только по маршруту. После сопровождения клиента домой из ресторана обе машины сваливают до утра.

В десять часов утра, плюс минус пять минут, выставляется только одна машина, вторая приходит после восьми вечера. Чёткого времени нет. Вчера опоздали на сорок минут.

Телохранители клиента – ребята серьёзные. Подготовка на очень приличном уровне. С хозяином всё время, даже в туалет вдвоём водят. Я заслал двоих поддатых испанцев, так

они даже дотянуться не смогли и мужественно легли на под-
ходах. Телохраны уложили испанцев, не делая лишних дви-
жений, контролируя обстановку в зале и не вынимая стволов.

Вывод: телохранителей надо валить или нейтрализовать
одновременным ударом куска рельса по хребтине. Внутрен-
нюю охрану и операторов видеонаблюдения убирать одно-
значно – нас троих просто не хватит всех контролировать.
Наблюдающих пока не трогать и расставаться с ними уже на
выходе. Заодно и машину искать не придётся.

Кстати. Ресторан принадлежит клиенту? За все три вече-
ра он ни разу не расплачивался, даже к бумажнику не при-
коснулся.

А, да! Охрана тоже питается в ресторане, что весьма
непрофессионально, но по очереди и без фанатизма. Столи-
ки клиента и охраны в ресторане стоят обособленно, к ним
никто не подходит и с улицы они не видны – на окнах очень
плотные шторы.

Во время ухода клиента и его охраны в туалет у столиков
становится охранник ресторана. Этот обормот не подпустил
даже шикарную девушку. Вы бы знали, сколько она мне сто-
ила! Лейла до сих пор шипит, как разъярённая кобра. И не
надо так улыбаться. Сплю с ней всё же я, ещё укусит. Впро-
чем, я уже привык – зараза к заразе не пристаёт. И послед-
нее. Это не русские. Жесты, мимика, общее поведение. Вы-
вод: это ваша проверка на профпригодность.

– Bravo, Джокер. Но ты прав лишь отчасти. Это действи-

тельно не русские. Внешняя охрана – не охрана, а наблюдение местной полиции, поэтому они не скрываются, и телохранители к ним привыкли. Вторая машина – моя. И это не мой клиент. Этот клиент ваш. Пятьдесят тысяч долларов. Охрана на ваше усмотрение.

Неплохо. Куратор занимается ещё и ликвидациями? Я же говорил: озолотимся.

– Нам в доме клиента что-нибудь надо? Или можно шарахнуть из гранатомёта и забыть о проблеме? Может, танк подгоните? Впрочем, я согласен и на карьерный экскаватор. Хотя нет, Савинича отправили. Придётся по-тихому. – Понятно, что это я глумлюсь, но Куратора сразу надо приучать давать нам полные установочные данные.

– В доме нам ничего не надо. Устроит и улица, и ресторан, но без лишних жертв. Всё же курорт. Шум ни к чему.

Это он так на Лейлу намекает? Убрать клиента на улице на глазах у полиции и засветить Лейлу с ножами? Нью-ню. Он решил вывести Лейлу из игры уже на первом этапе работы? Нет, дорогой. Лейлу я тебе не отдам. Я её для себя готовил. С кем я спать буду? С Батыром, что ли? Он не в моём вкусе, а Линка очень удобная. Во всех смыслах этого слова.

– Сроки? Три «беретты» с глушителями и машина. Тридцать процентов вперёд. Полторы тысячи – накладные расходы. Оружие, машину и деньги передадите Батыру за два дня до ликвидации. Проработайте маршрут отхода, место экс-фильтрации и способ экстренной связи с вами после дела.

Машину мы поставим у места сами. Минимум ещё два дня нам надо прожить в отеле, чтобы не привлекать внимания скорым отъездом. Да, и отдохнуть хочется с красивой девушкой. Когда ещё придётся? – Я сделал паузу. Ибо не фиг. Быстро только кошки плодятся, а нам действительно надо сделать небольшую паузу. Привыкнет Куратор дёргать нас на срочные заказы, а без подготовки работать нельзя, можно надорваться прямо на работе.

– Неделя у вас ещё есть. Оружие и машину получите хоть завтра. Деньги и детали... тоже завтра.

Вот это уже деловой разговор. Расстались, правда, без поцелуев. Мы втроём направились на пляж на такси. Куратор попылил на «мерседесе» по своим кураторским делам.

Пляж. Ресторан. Красивая девушка. Завистливые взгляды окружающих. Линка действительно движениями кошку напоминает. Гибкость и грация просто потрясающие, а в сочетании с её красотой, русыми волосами, обнажённым телом и мизерным купальником... Дальше можно не продолжать.

Заодно и Батыру деваху сняли – молоденькую гречанку. Для неё татарин – экзотика. Для экзотики гречанка – отдых для тела и души. Тоже заводная девчонка, крики даже в нашем номере слышны были.

Вечером – ресторан и пляж на четверых. Все эти радости не в нашем отеле, естественно. Это чистый отдых и безопасное место для инструктажа. В отсутствие гречанки, разумеется. Оказалось, что она ещё в школе учится и объявится

только во второй половине дня. Причём языка друг друга они не знают, им хватает языка тела. Мы тоже по-эллински не шарим, но девочка немного говорит по-английски. Так что наше предложение оторваться по полной программе она поняла и приняла с восторгом.

Батыр расцвёл. Он и не знал, что такая жизнь бывает. Да и никто из нас не знал, если честно. Такого моря никто из нас не видел, а про отдых я и не говорю. Совсем недавно мы наслаждались диким пляжем на раскаленном листе железа, обдуваемые всеми ветрами Средиземного моря.

Расклад своему напарнику я нарисовал полный, с моими выводами по поводу Лейлы, естественно. Батыру тоже полезно это знать. Рано или поздно он станет моим заместителем и старшим группы ликвидаторов. Все задатки у него есть.

Сегодня среда. Пару дней мы ещё поваляемся на пляже. Вернее, на пляжах. Батыр с девочкой – здесь, а мы с Лейлой – на старом месте. Там появиться просто необходимо, пора работу изображать, а Батыр пусть пару дней отдохнёт. В конце концов, ему только ночами трудиться.

Деваха у моего напарника реально заводная. Такое впечатление, что в соседнем номере насилуют кого-то, причём большинство слушателей считают, что изнасилование групповое. Оба еле выползают из номера. Нашли друг друга маньяки сексуальные. Батыр – понятно, у него несколько лет не слишком приятного воздержания. А красотка местно-пляжная с чего?

Днём Батыр сгоняет за машиной, инструментами и деньгами, бронирует нам номера ещё в одном отеле и на недельку снимет яхту подороже. Водитель яхты должен прилагаться в комплекте, а то мы её спьяну утопим. Должны же мы хотя бы раз в жизни отдохнуть по-человечески? А то когда ещё придётся...

Глава 5

Забавы необычных отпускников

С Лейлой мы разругались прямо в отеле. Я по пьяни выкинул её из номера. Сначала её, затем её одежду в окно, а потом туда же её сумку и бутылку из-под виски, благо окно моего номера прямо на крыльцо и стоянку такси выходит. Чтобы Лейле недолго было собираться.

Но бабки в кулаке Лейла зажала. И в костюме Евы гордо прошла мимо стойки ресепшена на улицу. Сорвала аплодисменты, между прочем, а я лёг спать и с чувством хорошо выполненной работы проспал до обеда. По пути Лейла сняла двоих полупьяных итальянцев, развела их на триста баксов, допоила до кондиции и свалила по-тихому. Говорил же, что талантливая девочка – итальянцы были импровизацией. Сами виноваты, пусть радуются, что не зарезала.

* * *

– Какие проблемы, Куратор? Какое было задание? Задание было сделать работу по-тихому. Мы выполнили уговор. Работа сделана по-тихому.

Клиент умер, телохранителям тоже не повезло. Курортный город три дня спал спокойно, даже за стенкой в отеле не

чихнулись. Я не виноват, что у них такие нервные газетчики. Ну и что, что, когда их нашли, они уже завоняли? К нам какие претензии? Кондиционер был включён и двери с окнами закрыты. Я специально проверил.

Мы, скажу вам по секрету, на яхте катались в то время. У нас свидетелей половина города, а девочка Батыра вообще блевала с борта яхты всем на обозрение, а он её за ноги держал, чтобы деваха за борт не кувырнулась. Красивые ноги, между прочим, но у Лейлы лучше. С неё вообще весь пляж глаз не сводил. Конечно! Она же голая на носу яхты загорала. Подумаешь, штраф в полторы тысячи баксов. А на что я их у вас брал? На это и брал. Не буду же я из своего кармана штрафы полиции платить. Все остальные расходы – за наш счёт. Зато отдохнули.

Да уж, отдохнули так отдохнули. Лейла с девочкой привычно стонали в одном номере, а мы с Батыром работали. Гречанка стонала и подвывала во сне, но слушатели разницы не заметили – клофелин не в нашей стране придумали. Или в нашей? Правда, подсыпали ей не клофелин, а просто сильное снотворное, но разницы всё равно никакой, а схема насквозь прозрачна.

В пятницу днём мы на четверых загрузились в бронированный Батыром отель. В один номер для молодожёнов, заплатив двойную цену, и, махнув рукой, щедро отсыпали бабла за второй номер. Раз уж мы его все равно бронировали. Просто на всякий случай. Мало ли ещё кого снимем?

Так всем и объяснили.

В субботу со сранья нажрались и споили половину пляжа – свадьба только раз в жизни. По ходу дела мы с Лейлой ещё раз помирились. На всякий случай прилюдно.

Девочки купались топless, мы с Батыром братались со всеми подряд. Всем было весело. Потом мы барахтались вчетвером. Прикольно. Надо почаще это практиковать. Девочки стонали на два голоса так, что удовольствие получили все на нашем этаже. Нас поутру даже попросили закрывать ночью окна, чтобы не смущать соседей. Мы извинились и отправили во все номера по бутылке шампанского, заодно оставили ящик на ресепшене.

Хорошо, что я у Куратора взял бабла вперёд, наличных оперативных денег могло бы и не хватить. Нам сразу же всё простили, и мы принялись куролесить дальше, но на второй день нас полностью не хватило, хотя отожгли мы по полной программе. Во второй половине дня мы нажрались опять и свалили к себе в номер, объявив всем, что хотим устроить романтический ужин на четверых.

Десяток бутылок шампанского, пару литровых бутылок вискаря и гору фруктов мы заказали к себе в номер. Романтический вечер обещал быть томным. Отель затихарился в предвкушении очередного концерта, а Лейла приготовила два магнитофона. Даром, что ли, мы записывали вчерашнюю оргию? У нас ещё и старые записи сохранились.

Ушли мы тихо. По-английски. Не прощаясь. Через балкон

второго номера. Тем более что мы ненадолго. Это окна номера для молодожёнов смотрят на пляж, а окна второго номера уныло пялятся во внутренний двор. Благо номера угловые и находятся напротив друг друга, а верёвочку с узелками Батыр уже приготовил.

Второй этаж – детская высота. Машинку нам подогнал Куратор. Городок маленький, двадцать минут, и мы на месте. Высокий забор преодолели с помощью верёвочки с кошкой и узелочками в мертвом секторе видеокамеры. Спустились с помощью второй верёвочки. Нас всё же двое, а местным ментам надо было оставить явный след.

Проникли в дом как белые люди, через дверь у выхода к бассейну, перебив выстрелом из пистолета кабель видеокамеры. Вышедшего охранника уложили у стеночки, заодно помповиком и пистолетиком разжились.

Батыр ему ещё и карманы вычистил – больно жирный охранник был. Часы приличные, золотой браслет, перстень-печатка с какой-то стекляшкой вроде горного хрусталя вместо бриллианта, цепура на полкило на мощной шее, золотые коронки на все сорок восемь зубов. Из-за блеска коронок казалось, что передние зубы у этого карманного воина располагаются в два ряда. Кольца в носу только не было, а так самое натуральное «бычье», что стоит в отеле рядом с ресепшеном. Прямо брат-близнец. По типуажу то ли итальянец, то ли испанец, то ли вообще югослав, а спросить мы не успели. Он как-то неожиданно помер. Может, темноты испугал-

ся? Или от сквозняка в головёнке? Пуля из «беретты» такой шикарный тоннель в черепашке пробивает! Звёзды видно.

Зашли аккуратненько в дом, прошлись по этажу. Шикарно. Обстановочка не как в отеле за стенкой. Видеокамер в доме нет. В комнате охраны у мониторов ещё один «бычок» сидел. С такими же габаритами и жизненными принципами. Этому повезло – прожил чуть дольше. По-испански говорил плохо, но бодро лопотал по-английски.

Судя по составу стволов в оружейной комнате, охрана в отеле отдельная, а в доме – только эти двое. Потом и мониторный мальчик подтвердил. Сначала не хотел, но я не пошутил про кастрацию, а это очень больно, когда плоскогубцами сжимают яичко. Так что 120-килограммовый карапуз рассказал всё, что знал.

Оружейка нормальная. Четыре помповика охрененного калибра – кулачок Лейлы в ствол войдёт влёгкую. Шесть автоматов – израильские «галилы». Для лохов самое то. Содрали псевдокалаш у финнов и рады до поросычьего визга. Отслонявили бы дяде Мише Калашникову на спокойную и безбедную старость, он бы по пьяни лучше нарисовал, чем они всей толпой этакое убожество выродили. И ведь уже пятнадцать лет производят и радуются. Лучше бы у нас старые «калаши» закупали. Меньше бы бабла потратили. Не экономят народные деньги, а ещё иудеи.

Четыре пистолета – «Беретта М9». Прямо один в один как у нас. Нулёвые. Мухи эти пистолеты стопудово даже не ви-

дели. Такие же, как были в учебке у «духов» в Пакистане, и такие же, что я заказал Куратору. Как бы они не были с одного склада. Даже с глушаками. Нормальные пистолы. Конечно! Их тоже пятнадцать лет уже производят. Раз в американскую армию идут, значит, и у бандитов есть.

Гранат только нет. Недоработочка, ребята. Нам бы пригодились. Два бронежилета скрытого ношения, наручники, баллончики с газом. Непонятно только, зачем. На курок помповика нажать – и на пляже, и за стенкой в отеле все от грохота обгадятся, а здесь все в момент задохнутся от выхлопа. В общем, прибарахлились.

Дальше – дело техники. Дождались клиента. Пристрелили телохранов. Вдумчиво попытали клиента. Открыли сейф. Собрали все, что у него было в карманах, в сейфе и в шкафах. Сгрузили в его же «мерседес», включая все бумаги. Еле влезло, хотя этот шестисотый «мерс» размером на коридор в коммуналке похож. Только раза в полтора шире, но мы неплохо обрыбились, поэтому даже в салон сумки загружали.

Гранаты, кстати, нашлись в отдельной оружейке телохранителей – американские М-26. Старьё, но достаточно распространенное. Точно с армейского склада закупались или вытрясли его где-то. Оружейку телохранов мы не вылизывали. Батыр всё валом в сумки загружал.

Попрощались с клиентом, пристрелили клиента и свалили по-тихому, как Куратор наказывал. Полночи, правда, по-

тратили, чтобы заныкать всё, что надыбали. Яма, что Батыр выкопал в укромном месте, оказалась маловата. Просто никто из нас не рассчитывал на такое количество стволов, боеприпасов, бронежилетов, золота и баксов. Пришлось импровизировать по ходу дела, а бабки я вообще перестал считать на второй сотне тысяч. Потому что сбился. Мешок местных тугриков – это драхмы, которые пришлось вообще с собой тащить. Причём он шуршал крупными банкнотами, а не звенел мелкими монетами. Ничего так мы прогулялись тёмной ночью.

Вернулись домой той же дорогой. «Мерседес» скинули у ночного пляжа с ключами и початой бутылкой дорогого коньяка на крыше машины, чтобы побыстрее заметили. Даже золотые часы под лобовое стекло положили. Нам не жалко. Батыр их двенадцать штук надёргал. Две пары – у холуев, четыре пары – у хозяина. То есть оставили классический джентльменский набор: пойло, шикарные часы и тачка. Только без презервативов – сами купят, не маленькие.

Когда мы через шесть минут проехали мимо стоянки, «мерина» уже не было. Шустрые ребята живут в этом городке. Огребли себе проблем на ровном месте. Пусть потом попробуют доказать, что это не они хозяина машины завалили. Бутылка тоже из бара клиента была. Там на заднем сиденье ещё тройка таких же валялись.

Зато ребятки хлопнули недурственного коньячка перед своей очень непростой смертью. Оба использованных ство-

ла мы оставили в сумке на полу за передними креслами. Не топить же? Может, пригодятся кому.

Свою машину поставили в квартале от нашего отеля. Вернулись той же дорогой. Мешок с драхмами, конечно, мешал восхождению к вожделенным феминам, но своя ноша не тянет.

Фемины дождались героев и вознаградили их. Девочка Батыра, правда, ещё спала, но Батыр же бодрствовал, а когда один партнёр не спит, вторую можно и не спрашивать. Девочка отработала, не просыпаясь, а мы с Линкой уснули обнявшись. Вернее, я обмотался вокруг Линки. Говорил же, удобная девочка.

Каждый снимает стресс по-своему. Батыр – яростным сексом, а я... не напрягался. Совсем. Это же не складчатые горы Гиндукуша и не пыльный известняковый хребет Сафедхоха. И воду совсем не надо экономить, три недели таская на горбу пятьдесят килограммов жизненно необходимого железа, каждую секунду рискуя свалиться с узкой тропы по крутому склону. Мне просто надо обмотаться вокруг удобного человечка.

Линке тоже очень нравится моя любимая поза. Так она чувствует себя защищённой, моментально засыпает и не вспоминает о том, что с ней делали. Одна она постоянно дёргается, сжимается, иногда плачет во сне. Поэтому я держу её рядом с собой, чтобы она не сошла с ума, потому что то, чему я её учу, противостоит естественности для женщины. Но выта-

щить Лину оттуда, откуда мы все с трудом вылезли, иначе было просто невозможно.

Утром загрузились в нанятую яхту и принялись отрываться дальше. Ну да, не отзвонились Куратору и не ушли его каналом. Виноваты. Но я этого и не обещал.

Я сказал «экстренной связи», а ничего страшного не произошло. Чего было Куратора дёргать? Он тоже от нас отдохнул. Наверное. Мы вообще всё это время в море были, а заходили только по вечерам на пляж. Надо же было драхмы потратить, но всё равно, как мы ни старались, больше половины мешка осталось. Крупными купюрами – мелочь мы всю потратили.

Одно плохо: девочка Батыра неделю прогуливала школу... и через день блевала с борта яхты. Засветились по полной программе. Теперь использовать Лейлу в тайных операциях Куратора нереально. Мою потрясающе красивую подружку отныне всё побережье знает. Линка даже в светскую хронику попала. Вместе с яхтой. Местная девочка тоже прославилась. Её подружки отжигали на яхте уже на третий день. Вернее, ночь.

* * *

– И вообще, Куратор! Мы свою работу выполнили на пятёрку, ни на пункт не нарушив условия нашего с вами соглашения. Как мы отдыхаем после дела, никого не касается. Мы

с Батыром вообще выбирались на волю только вечером, ночью и в море. На людях за нас отдувались девочки, а мы с Батыром узнали, что такое секс на семерых: два мальчика и пять девочек. Утомительное занятие, скажу я вам по секрету. Крутишься как заведённый всю ночь. Никакого удовольствия.

Так я отбил поползновения Куратора на Лейлу. Она мне потом рассказала, что предложение работать напрямую он озвучил ещё в Пакистане в учебном лагере. Обещала подумать и заодно посмотреть, поучиться, как я буду работать. Поучилась. О женских групповухах, целомудренно называемых во всём мире мальчишниками, до недавнего времени Линка даже не подозревала. Работать со мной ей очень понравилось, женские групповухи – тоже, а когда она узнала о количестве взятых на троих участников денег, то вообще в осадок выпала. Хотя я досчитать не смог. Потом посчитаем. Когда будет время.

* * *

– Нет, Айрат, это – не деньги. Ни для тебя, ни для меня, ни для Линки это не деньги. К сожалению. Для нас здесь это смертный приговор. Если мы их засветим, вопрос нашего уничтожения – только дело времени. Особенно если мы засветим эти деньги перед Куратором. Потому что Куратор тоже любит деньги, и значительно больше, чем нас троих. Мак-

симум, сколько мы можем показать без опасения быть уничтоженными, это тысяч по двадцать баксов. Местные фантики мы просто потратим на себя. Одежда, обувь, аксессуары, может быть, машина. Всё остальное я предложил бы растащить по карманам и спрятать в этой стране. Увезти всё это мы сможем только на машине. Как? Я пока не знаю. Свой план я вам уже изложил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.